

**АЛЕКСАНДР
КОНТОРОВИЧ**

ПЕПЕЛЬНЫЙ
РАССВЕТ

Выжженная земля

Александр Конторович

Пепельный рассвет

«Автор»

2012

Конторович А. С.

Пепельный рассвет / А. С. Конторович — «Автор»,
2012 — (Выжженная земля)

Самое трудное после ядерной катастрофы – не перестрелки с бандами мародеров и не поиск артефактов. Это обыкновенная работа. Работа по восстановлению всего того, что было разрушено и уничтожено. Хозяйства, промышленности и веры человека в себя. Но и эта мирная задача не всегда находит понимание на стороне. Всегда есть те, кто разевает рот на чужой кусок пирога. И вот уже снова грузятся на корабли войска вторжения. Снова поднимаются в воздух самолеты с грузом оружия и десантниками. Ничего еще не закончилось... Все только начинается. И старые танки снова выводят из ангаров, чтобы еще раз отстоять независимость своей Родины.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Конторович

Пепельный рассвет

Тайга...

Тайга – это не просто лес. Нет, здесь тоже растут такие же деревья, как в подмосковном маленьком лесочке. Такая же, или очень похожая трава. Вот живность, действительно, отличается – в тайге ее больше, да и ведет она себя здесь более уверенно, ничего и никого не опасаясь.

Но если в подмосковный лесок можно ввалиться поддатым, с расстегнутой ширинкой и с полупустой бутылкой в руке... нагадить, осквернить окружающую обстановку... и после этого свысока взирать на последствия своего безобразия из окна роскошного джипа, то с тайгой дело обстоит несколько иначе. Нет, здесь тоже хватает и неадекватных людей. Особенно сразу после получки. Но вот осквернить и испохабить свой дом – желающих немного. И те, кто позволяет себе подобные выходы, как-то очень быстро начинают о них сожалеть.

Тайга – это дом. Для всех: для человека и для зверя. В этом, пожалуй, и состоит главное отличие тайги от подмосковного лесочка. Тот лесочек когда-то тоже был чьим-то пристанищем. Был... Но его постояльцы отвернулись от своего жилища, вот оно и стало понемногу отчуждаться от своих прежних обитателей. И кто знает, каково теперь в этом лесочке оголодавшему человеку? Ибо брошенные дома частенько заселяются не самыми приятными созданиями...

Другое дело – здесь. Сколько бы ни проходило мимо людей, сколько бы ни уродовали землю их железные кони – тайга все это может скрыть и не заметить. Но не простить... Ибо человек, живущий в равновесии (пусть даже и относительном) с окружающей природой – тоже ее часть. И мстить за посягательство на него тайга будет так же неумолимо.

Вот и сейчас – торопливо пробиравшиеся по тайге люди всем своим нутром чувствовали недобрый взгляд. Он не имел конкретной привязки – каждый из беглецов, где бы он в настоящий момент ни находился, ощущал его непосредственно на себе. На одного смотрели сзади, на другого – сбоку. И на всех – одновременно. При этом внешне все обстояло как обычно. Попискивали птицы, перелетая с куста на куст. Где-то вдалеке постукивал дятел... обычная лесная жизнь. Везде. Но не там, где проходили беглецы. Казалось, какая-то зона отчуждения окружала небольшой отряд. Иначе чирикали птицы, увидевшие их приближение. Даже сучья под ногами трещали как-то по-другому. Или это только чудилось людям?

– Карп... – прохрипел один из них, тщедушный шкет с лихорадочно горящими глазами, – слушай... ну какого черта мы так спешим? От дороги уже далеко отошли, никто за нами не поперся... Куда несемся, скажи?!

– Все сказал? – мрачно поинтересовался главарь отряда, здоровенный широкоплечий мужик. Судя по обилию украшавших его тело наколок, человек в уголовном мире не последний.

– А тебе мало?

– Хватит... Уходить надо, чую я за спиной что-то хреновое.

– Да что же?!

– Идут за нами.

– Кто?

– Конь в пальто! Не знаю... но чую их. Даже птицы эти безголовые себя иначе ведут... неспроста это.

– Да не могу я идти больше! Ноги не держат.

– Пить надо меньше.

– Тебе хорошо говорить – вон здоровый какой! А я ослаб, мне отдохнуть надо. Здоровья совсем нет.

– Меньше ширяться надо! Вон где твое здоровье осталось!
– Да понимал бы чего... ты ведь и не представляешь себе, какое это счастье, кайф какой!
– Я его последствия вижу, – буркнул здоровяк. – Кончил базлать? Вставай, пора идти!
– Не пойду, – мотнул головой шкет. – Здесь останусь, да догоняльщиков твоих сам и кончу всех. Там чай тоже не роботы.
– Так даже? – поинтересовался здоровяк. Наклонился к сидящему и вытащил у него из под сумки два магазина к автомату. – Тебе и двух оставшихся – за глаза!
– Эй, ты чего это?! – возмутился его собеседник. – Беспредел!
– Засохни! Станешь орать – отберу автомат и дам карабин. Вот и будешь с ним здесь куковать!

Притихший шкет отодвинулся в сторону, подтянув к себе автомат. Проводив глазами уходящих товарищей, снял шапку и выудил откуда-то сигарету. Достав из кармана зажигалку, прикурил и с наслаждением затянулся. Прикрыл глаза и откинулся спиной на ближайший пенек. На его лице появилась довольная улыбка, а по поляне пополз характерный запах...

Прошло около часа. Осмелевшие птицы спустились ниже и безбоязненно перепрыгивали с ветки на ветку над самой головой отключившегося в наркотическом забытии человека. Перед его глазами сейчас проплывали радужные картины, и курильщик улыбался, мысленно переживая разнообразные удовольствия.

Чуть слышный треск ветки заставил наркомана приоткрыть глаза. Некоторое время он полулежал, собираясь с мыслями. Потом помутневшие от наркотика глаза сфокусировались на каком-то движении. Человек? Да ну... не похоже. А вот это что? На ветку совсем не смахивает – слишком уж правильные очертания... Стало быть, раз это создание тащит с собою что-то такое... ага, вот, значит, кто за нами шел! Шкет перекатился набок, подхватив с земли автомат.

Где же это... создание, или кто там еще? Только сейчас же был! Спихватившись, засадник передернул затвор, загоняя патрон в ствол. Сейчас... только покажитесь... уж я вас!

Но никто не показывался. Ни один непривычный звук не нарушал обычного лесного фона.

«Почудилось?» – мелькнула мысль. – «Да ну, на фиг... был же там кто-то, я видел! А кого?»

Поразмыслив, шкет решил проверить подозрительное место собственноручно. Прижимаясь к траве (и оттопырив при этом тощий зад), он пробрался к нужной точке.

«Ну, что тут у нас? Следы... какие, интересно знать? Вроде бы никаких нет... знать бы еще, как они тут выглядеть могут, если кругом бурелом да густая трава. Она, кстати, не прижатая... что ж, выходит, привиделось мне все?»

Раздосадованный таким выводом, он встал, уже не таясь, и закинул оружие за спину.

Повертев голову, отыскал прежнее место и направился к нему. В шапке еще есть пара «косяков», можно передохнуть. А уж после и пойдём... не торопясь, ибо спешка до добра не доводит.

Вернувшись к своему пню, шкет прислонил к нему автомат и сел рядом. Откинулся на шершавую кору и вздохнул. Опять спешка... куда сейчас спешить? Лучше уж еще затяжку...

Что-то тонкое и холодное вдруг сдавило ему горло. Так, что крикнуть не было никакой возможности. Слабеющая рука рванулась к автомату – ведь можно же выстрелить. Напугать, отогнать... Но поздно, лишь скрюченные в последнем усилии пальцы проскребли по ствольной коробке. Дернулись напоследок, и голова бандита склонилась на грудь...

Потеряшка разжал правую руку, отпуская деревянную рукоятку удавки. Потянув ее другой рукою, правой придержал тело, чтобы оно не упало на землю. Свернул в кольцо металлическую струну и убрал ее в подсумок. Поднял с земли свое оружие и бесшумно исчез в лесу. Не качнулась ни одна травинка, не зашелестели потревоженные ветки.

– Ну, что там? – Карп перекатил из одного угла рта в другой травинку.

– Сидит... – наблюдавший в бинокль бандит на секунду оторвался от окуляров. – Сначала вскочил чего-то, даже за ствол схватился. Пополз куда-то... а потом снова встал и назад вернулся. Должно быть, опять кайф ловить уселся.

– Недоделок долбаный! – выругался Карп. – Блин... Обидно, я думал – клюнут на него.

– Так кому клевать-то? Нет тут никого, кроме нас.

– Нет, Перченый, это уж ты мне поверь! Не одни мы здесь – всем нутром чую. Идет за нами кто-то... да вот не просеку никак, кто это здесь такой ловкий? Я в этих краях вырос, тайгу знаю... знал... неплохо. Так что чужого почую враз. Вот как сейчас. Да и вообще... уходить отсель надо.

– И без того идем, – пожал плечами собеседник.

– Не понял ты... Не просто уходить, а – УХОДИТЬ! Всеми лапами и со всей возможной скоростью!

– Чего ж мы тут тогда сидим?

– Пока этих не стряхнем, хода не будет.

– Да кто ж здесь такой может быть, что ты их так стережешься?

– Могут и люди быть... и не совсем... люди.

– Задрал ты мне мозги! – покачал головой Перченый. – Не люди... кто ж тогда?

– В здешних краях всякое случиться может. Места здесь глухие, вот и выглядывает из лесу иногда... разное. Особливо к тем, кто себя ведет нехорошо.

– Это ты про нас что ли? Так и сам-то чай не в ангельском обличье ходишь. Или, хочешь сказать, за тобой ничего такого нет?

– Такого, не такого... кровь на руках есть, тут не спорю. Однако ж и эта кровь разная бывает. Одно дело – по дурости да по удали глупой. Эдак-то у многих случается. А совсем другой расклад, когда по жестокости ненужной. Тайга такого не любит и не прощает.

– На что это ты намекаешь?! – покосился на Карпа собеседник.

– Кабы не дурацкие ваши приколы с бабами, я бы не пасся так. Завалили, поигрались – с них не убудет. Даже, скорее, и останется! А вот то, что дальше делать стали... неправильно это!

– Что ж сразу-то не сказал?

– Оглох? Да я во всю глотку орал! Только у вас, обалдуев, жестокость через край поперла уже! Как психи, право слово! Хрен бы с вами, убили бы просто – так еще полбеды! А груди кто резать заставлял? Дома палить?

– Так не резали же...

– Не дорезали, хочешь сказать? И то, когда я за автомат схватился! Тебя старшим Клим назначил – куда ты смотрел?!

– Ладно тебе... – смутился второй бандит. – Ну, недоглядел я... бывает. Теперь-то что делать будем?

– Посмотреть надо на недоделка этого. Схожу?

– Так он поди опять под кайфом! Ящерицу пошлю, нехай глянет. Ты у нас по лесу один спец, без тебя не выйдем к своим до Нового года.

– Ладно. Пинчищами этого умника поднимайте, да сваливаем отсюда к... словом, быстро сваливаем.

Раздвинув ветки, на полянку осторожно выбрался еще один автоматчик. Поправив свое оружие, он приблизился к полулежащему на траве товарищу и несильно пнул его по сапогу. Неподвижное тело дрогнуло и сползло набок. Удивленно постояв, бандит присел и поднял голову шкета. В следующую секунду он, словно ошпаренный, вскочил на ноги. Сорвал с плеча оружие и завертелся на месте. Озираясь по сторонам, отступил на несколько шагов назад и, развернувшись, во весь опор бросился в лес. Проломившись, словно лось, сквозь кусты, бандит, с трудом переводя дыхание, упал рядом со старшим.

– Там... это... у Лысого...

– Что у него?! – наклонился Перченый.

– Горло... удавили его!

– Чем?

– А я знаю?! Тонкий такой след... как от струны гитарной...

– Это как?

– Каком кверху! Почему я знаю?! Валить отсель надобно!

– Ладно, не кипешуй! Разберемся... Иди пока.

Проводив Ящерицу взглядом, старший бандит повернулся к Карпу.

– Ну?

– Хреново... Этот баран, про все на свете позабыв, напрямки к нам понесся. Совсем, лопух, запямятовал, что я ему говорил – идти кругом!

– На фига?

– А то, что тот, кто Лысого придавил, теперь точно знает, где мы тут сидим. Оттого и этого барана не кончили на месте.

– Ох, бли-и-н... Братва! – приподнялся над землей Перченый. – Валим отсель...

Фух!

От головы старшего полетели брызги, и его тело безвольной куклой рухнуло на землю.

Ветерок унес в сторону негромкий, придушенный глушителем, хлопок выстрела.

– Полундра!

Длинные автоматные очереди вспороли тишину. Посыпались листья с кустов, затрещали сбитые пулями ветки. По опушке стоящего вокруг поляны леса словно прошли метлой! Взлетела комьями земля, брызнули разбитой корой деревья.

Пригнувшись к земле, Карп спокойно выжидал, время от времени бросая настороженные взгляды по сторонам.

Стрельба на несколько мгновений затихла – бандиты меняли магазины. Воспользовавшись передышкой, один из них, пригибаясь к земле, бросился к другому укрытию, показавшемуся ему более надежным, чем полусгнивший пенек.

Фух!

Ноги бегущего дернулись в последний раз.

На этот раз огонь бандитов оказался менее плотным и дружным – некоторые из них, вместо того чтобы стрелять, стали отползать в стороны. Один из них – высокий, хорошо сложенный парень в черной куртке, быстро доползши до большого поваленного дерева, призывно замахал рукой. Укрытие, облюбованное им, действительно выглядело основательным – ствол почти метровой толщины, никакая пуля такую преграду не пробивала бы. Ободренные примером товарища, трое мерзавцев шустро двинулись к выбранной позиции. Оказавшись в надежном убежище, они перевели дух.

– Ништяк... как в танке!

Да-дах!

Да-дах!

Брызнула кровь из простреленного виска обладателя черной куртки.

Подломились колени у его соседа.

Да-дах!

Ткнулся лбом в древесный ствол третий уголовник.

Завизжав, вскочил на ноги уцелевший бандюган. Паля из автомата во все стороны, он бросился назад. За грохотом оружия остался совершенно незамеченным выстрел из винтовки первого стрелка.

Не добежав всего пары метров до своего прежнего укрытия, злодей ткнулся лицом в траву.

На некоторое время все затихло. Напуганные столь быстрой смертью товарищей, уцелевшие мародеры затаились в укрытиях. Никто не шевелился и не стрелял – слишком очевидным было то, что беспорядочная пальба никакого урона неизвестным не нанесла.

Однако неведомые стрелки себя больше никак не проявили.

Осмелев, выглянул из-за коряги рыжеволосый парень. Тихо... не шелохнулась ни одна веточка. Быстро осмотревшись, он подтащил к себе лежащее неподалеку тело убитого и торопливо избавил его от оружия и припасов.

Прижавшись к земляному откосу, за ним неотрывно наблюдал Карп. Он старался не привлекать к себе внимания, не кричал и не стрелял.

Рыжеволосый снова нырнул в свое укрытие. Противник никак на это не отреагировал. Снова мелькнула огненная шевелюра. Опять тишина.

Молниеносным прыжком бандит преодолел десяток метров, отделявших его от зарослей, и быстро рухнул в облюбованную ложбинку.

Опять потянулось время.

Прошло еще минут десять, и следом за рыжеволосым проскочил его товарищ. Он обосновался по соседству и высунул из-за прикрытия ствол карабина. Третий мародер бежал уже не так быстро, но и это сошло ему с рук.

В живых осталось еще трое, не считая Карпа, который так же тихо продолжал сидеть в своем убежище. Он не предпринимал никаких попыток выскочить или хотя бы осмотреть окрестности. По-прежнему молча прижимаясь к земле, бандит чего-то ждал.

Наконец, на опушке леса собрались все уцелевшие, за исключением своего предводителя.

– Витюня! Где там Карп? – прошептал один из них.

– Завалили его!

– Да ну?

– Точняк! Вместе с Перченым и ухандокали! Я видел – мозги аж брызнули!

– Так и фиг ли мы тут паримся? Сваливать надо!

– Куда – в лес?

– А и похрен! Лишь бы подальше!

– Поведет-то кто?

– Я и поведу! – осмелевший мародер оглядел своих товарищей. – Или кто против хочет сказать?

Возражений не последовало – единственным желанием уцелевших являлось максимально возможное увеличение расстояния между собою и этим страшным местом.

– Так это... у Перченого рыжье лежит... то, что в деревне взяли. Забрать бы надо...

– Иди и возьми! Раз смелый такой! – отрезал новоявленный главарь.

– Да... ну его...

– Тогда – топаем! – подвел итог командир. – Витюня, ты первый пойдешь!

– А что я-то?! – возмутился тот. – Крайнего нашел?

– С обществом спорить станешь?

Витюня, насупившись, оглядел сотоварищей. На их лицах явственно выделялось нежелание идти как первыми, так и вторыми. Сплюнув на траву, он перехватил карабин и осторожно выглянул из-за кустов.

– Миха – следом потопаешь!

Выждав, когда двое передовых отойдут метров на пятнадцать, все остальные вскочили и, не соблюдая никакого порядка, ломанулись следом.

Вот осталась позади страшная поляна с телами убитых. А впереди распахивал свои объятия негостеприимный, но сейчас такой желанный, лес...

Да-дах!

Да-дах!

И передовая двойка повалилась в густую траву.

Прилетевшая откуда-то из леса пуля сбила с ног еще одного беглеца. Перепуганные мародеры порскнули в стороны, как зайцы.

Тихо скользнул из своего укрытия Карп. Обходя место боя по дуге, он забрал левее, ориентируясь на крики и беспорядочные выстрелы. Опытный охотник в прошлом, бандит шел тихо. Никаких иллюзий у него не оставалось – совершенно ясно, что живым из этого капкана никого не выпустят. Никого, кроме того, кто смог правильно просчитать дальнейшее развитие событий. Есть ли среди преследователей хорошие следопыты? Судя по тому, как быстро они отыскивали в глухой тайге беглецов, таковые присутствовали. А уж как ловко невидимки смогли убраться беспечного наркомана... Да еще прямо на глазах у засады!

Нет уж... играть в салки-догонялки с такими противниками, независимо от их численности, Карп не собирался. Врагов явно немного, два – три человека. Но проверять это на практике никакого желания не имелось. Пусть их... пока там гоняют уцелевших мародеров, опытный ходок сможет уйти достаточно далеко. Когда от места перестрелки стало более трехсот метров, он перевел дух. Наконец-то... теперь можно и побыстрее идти. Карп прибавил шагу, не придав никакого значения тому, что некоторые его шаги иногда отзываются в лесу странным эхом...

– Ну! Ну где вы, падлы! А?! Бздите выйти лицом к лицу?! – вертелся на полянке волчком последний уцелевший мародер. Расстреляв все патроны, он бросил пустой автомат и теперь крестил перед собою воздух тускло блестящим клинком. По лицу бандита текли слезы вперемешку с кровью – неудачно приложился щекою при падении. Голос срывался и дрожал, но он продолжал выкрикивать ругательства и угрозы. Только это еще удерживало его от того, чтобы сорваться в черную пропасть дикого помешательства. Совсем недавно в полуметре от него упал застреленный сотоварищ – пуля буквально разнесла его голову в мелкие клочки. Так, что вышибленные оттуда мозги забрызгали и уцелевшего.

Мародер хрипел и задыхался. Уйти назад в лес? Он только что оттуда вышел. Последним из шести вошедших. Все они теперь валялись на земле бездыханными. Глаза его лихорадочно ощупывали кусты. Хоть кто-то... ну, пусть хоть чье-то лицо покажется из-за веток! Иначе можно сойти с ума – решить, что это стреляет сама тайга!

Но вот... вот что-то мелькнуло между стволами. Фигура, человеческая фигура! Свои... какие тут свои? В лохматом бесформенном одеянии?

Человек не торопясь вышел на поляну. Остановился и прислонил к дереву длинную винтовку непривычных очертаний. Откинул капюшон.

Баба?!!

Да быть того не может!

Бандит остановился. Покачнулся – так сильно были напряжены все мускулы, что резкая остановка причинила боль. Шатаясь, он сделал пару шагов навстречу незнакомке.

– Ты... это ты! Нас! Всех! Да я!

– Я. Еще не всех – ты вот остался же? – странно, но даже сейчас ее голос звучал совершенно спокойно и мелодично. Он даже не был лишен определенной приятности. Хотя это совсем уже не укладывалось в голове...

– Но почему?!

– Разве не за что? Забыл деревню? Женщин, которых вы там...

– Из-за них? – оторопело разинул рот мародер. – Из-за этих телок?!

Пах!

С хрустом прорезав траву, воткнулся в землю нож, выпавший из простреленной руки.

Пах!

Подломилась правая нога.

Пах!

Левая...

– У-е-е-а-а! – завертелся на земле раненый бандит. – А!..

– Больно? – присела на корточки незнакомка. – Наверное... Им тоже было больно. Может быть, теперь и ты поймешь, каково это – видеть свою смерть? Видеть – и не иметь возможности убежать... Прощай...

Сунув в кобуру пистолет, она подобрала винтовку и скрылась за деревьями.

Пройдя пару десятков метров, она посмотрела налево – от кустов отделился еще один человек в пологом одеянии.

– Закончила с ним?

– Точку тайга поставит...

– Чего ж так?

– Пусть хоть один всей глоткой хлебнет. Легко его друзья отделались, этому так не повезет.

– Ну... как знаешь.

– А последний где?

– Туда побег, – махнул рукою Потеряшка. – Должно, уже на полверсты оторвался – неся, как очумелый.

– Не уйдет совсем-то?

– От меня? – хмыкнул снайпер. – Ну-ну... посмотрим на такого умельца. До сих пор подобного фокуса еще никто не провернул.

– Смотри... сам говорил – этот дядя не лопух.

– И сейчас это скажу. Как он своими дружками прикрылся! И ведь все грамотно рассчитал. Уважаю...

Двумя неслышными тенями снайперы скользили по лесу. То здесь, то там на мгновение появлялись и пропадали их причудливые одеяния, совершенно терявшиеся на фоне окружающей растительности. Казалось – это какие-то бесплотные духи неторопливо движутся сквозь кусты и переплетающиеся ветви деревьев. Лес в этом месте был густой, плотно поросший частым кустарником. И поэтому уже через пару сотен метров, когда убегавший Карп перестал так тщательно маскировать свои следы, уверенный в том, что сумел оторваться от таинственных преследователей, проложенная им тропинка стала видна относительно неплохо. Разумеется, для человека, умеющего глядеть нужным образом. Преследователи умели. И поэтому разделявшее жертву и охотников расстояние понемногу сокращалось. Вскоре перед снайперами замаячила небольшая полянка, и вот тут Потеряшка внезапно остановился. Приподняв край капюшона, он чуть присел на одно колено и стал похож на охотничьего пса, внимательно выискивающего добычу.

Отстав от него на несколько метров, присела под деревом и Гадалка. Вскинув наизготовку оружие, она контролировала тыл, мало отвлекаясь на то, что находилось перед ее напарником.

Шли минуты, а он не двигался. Несколько раз прекращал прислушиваться и брал в руки бинокль.

Наконец, он опустил его и дал знак напарнице подойти поближе.

– Чего там? – присела рядом Галина.

– Странное ощущение... как-то даже и сформулировать не могу. Не чувствую я его больше.

– Сбег?

– Не так. Вроде бы и рядом... но как-то непонятно. Вроде бы еще кто-то здесь есть...

– И кто же?

– А ты сама ничего не чувствуешь?

Опустив винтовку, Гадалка повела перед собою раскрытой ладонью правой руки. Слева направо, назад... задержала ее на каком-то отрезке... прислушалась.

– Там?

– Угу... что скажешь?

– Странное ощущение. Вроде бы клиент наш вон там, – ткнула она рукою на центр поляны. – А вот там тогда кто?

При этом ее рука качнулась левее.

– Вот и я о том думаю. Вроде бы, они наобум шли, тем паче, сильно в сторону забрали, почти назад к деревне повернули.

– Это-то как раз и неудивительно – они к дороге возвращались, назад к КПМу¹ идти собирались. Наш-то деятель, хоть и опытный ходок, да видно не из здешних мест – дороги другой не знает.

– Вот именно! Стало быть – здесь их ждать никто не должен. Но я человека ощущаю.

– Уверен?

– А ты?

– И я.

– Вот и у меня подобное ощущение есть. Но откуда он здесь?

– Из деревни... никто убежать не мог?

– Да черт его знает... в принципе – мог.

– Ладно... работаем?

– Угу...

И оба лесных призрака скрылись в кустах.

Карп действительно далеко не ушел. От преследователей его отделяло совсем небольшое расстояние. Впрочем, сейчас мародера это уже не беспокоило. Как, впрочем, и ничто другое. Навряд ли в этом мире сейчас могло найтись хоть что-нибудь, способное привлечь его внимание.

– Ни фиги себе... – разглядев открывшееся взгляду зрелище, Потеряшка озадаченно сдвинул на затылок капюшон. – Вот это номер! Как это так он сподобился?

Вытянувшись во весь немаленький рост, даже привставший на цыпочки, бандит стоял около основательного дерева. Выпавшее из рук оружие лежало у его ног, и он не делал никаких попыток его поднять.

Да и вообще особо не дергался.

Толстый сук входил в его лицо, пробив правую щеку чуть пониже глаза. Фактически, Карп был просто наколот на него – как жук на булавку. Руки его еще чуть шевелились в последних конвульсиях – бандит уже умирал.

– С ходу наскочил? – спросила Галина.

– Ага. И еще подпрыгнул, чтобы на него лучше нанизаться. Это ж как бежать-то надо – его чуть не навывлет пропороло!

Оба преследователя осмотрелись по сторонам. Тихо... Не трещали ветви кустов, не шуршала трава – лес молчал.

– Вот что... – Гадалка присмотрелась к опушке леса. – Это ведь последний?

– Ну да.

– Пошли отсюда. Назад.

– А...

– Назад. Мы свое дело сделали.

– Хм... Ну, как знаешь. Мне, в принципе, тут тоже делать уже нечего.

Попытившись к лесу, они слились с окружающей растительностью. Вскоре ничего на поляне уже не напоминало об их присутствии. В последний момент, перед тем как совсем

¹ КПМ – контрольный пункт милиции – стационарное сооружение на междугородних трассах).

исчезнуть в чащобе, Галя чуть задержалась. Остановившись у пня, она наискось воткнула в трещину, пересекавшую его верхушку, вытащенный из кармана патрон. С темно-серой головкой пули.

Прошло еще несколько минут.

Осторожные шаги, легкий шорох отведенной ветки...

Неясная тень на секунду закрыла пень.

Когда же она снова растворилась в лесу, в трещине ничего уже не было. Патрон исчез.

Отойдя от полянки на пару километров, стрелки присели на небольшой передыш. Гадалка уютно устроилась в развилке старого большого дерева, подложив под спину свой рюкзак. Достав из него пару плиток шоколада, протянула одну напарнику. Виктор только молча кивнул и, в свою очередь, протянул ей флягу с ягодным настоем.

– Спасибо.

– Да не за что, одно дело делаем.

– Вот что, Витя, посторонних тут нет и ваньку валять не перед кем. Операцию мы завершили, спешки никакой нет, так что – выкладывай!

– Чего это?

– Ты отчего на меня букой смотришь? Я тебе в компот горчицы не добавляла и перед начальством не ославил. Какого же ты нос воротишь? Мы, коли не забыл, вместе работали.

– Рядом, Галя. Не вместе, хоть и на выходы, бывало, хаживали.

– Ага... вот, стало быть, откуда хвостик вырос... И что такое тебе вдруг не понравилось? Вижу я, как ты на винтовку мою посматриваешь... это тоже не по душе?

– Не понимаю я тебя. Вся из себя засекреченная и скрытная. Откуда мне знать – вдруг и сейчас ты не просто так на нашем пути встретишься?

– Сомневаешься?

– Да.

– Ну что ж... основания у тебя есть, не спорю, – Гадалка сняла кепи и встряхнула головой. Пышные черные волосы рассыпались по плечам. – Характер задания моего тебе нужен, так?

– Соврешь ведь?

– Нет. Просто не все расскажу. Но ты же у нас мальчик умный, додумаешь?

– Валяй...

– О том, что тут делает ваша группа, я знаю лишь в общих чертах. Спецзадание, связанное с перевозкой чего-то важного – вот и все. Откровенно говоря, мне это, как ты понимаешь, до ноги. Меня ваши игры не затрагивают. Договорились на этом?

– Лады.

– Теперь – обо мне. Ты вообще-то в курсе, что где-то здесь болтаются весьма нехилые ребяташки непонятной ведомственной принадлежности?

– В курсе. Видел я их.

– Где?!

– Далеко... Не подрывайся с места, искать их уже незачем.

– Отчего же? – наклонила набок голову девушка.

– А оттого, Галя, что даже самый крутой стрелок не канаэт супротив БМПТ! Размазали мы их по травке. Не буду нос задирать – повезло нам их врасплох застать. Могли они уйти, чуток всего времени не хватило.

– Сколько же их было?

– Семь человек. Две универсальные тройки – снайпер, пулеметчик и автоматчик с подствольником. Самое то в пехотном бою, тебе ли не знать? Седьмой, надо думать, командир.

Документов, ясен пень, никаких. Знаков различия – тоже. До вдумчивого потрошения никто из них не дожил.

– Все?

– Тебе мало?

– Их еще пятеро осталось, Витя. Изначально – больше было.

– В смысле – было?

– В том самом. Это моя цель.

– Фигасе... Кто это?

– Будешь хохотать – не знаю! Приказ был недвусмысленный – найти этих ребят. По обнаружении – выбить.

– Всех?

– Их было здесь три группы. По десять человек. Где-то здесь, – кивнула Гадалка в сторону леса, – у них база. Что это такое, я не знаю. Но их цель – Рудный. Там они кого-то прикрывали. Моя задача – максимально снизить их боевой потенциал. Особенно – снайперский, это цель номер раз. Они так и работают – три боевых семерки и три тройки личной охраны.

– Кого же они охраняют?

– Не в курсе дела. Надо думать, эта цель не для меня. Мы здесь уже три месяца, и все это время я шастаю по лесам.

– Как я понимаю, удачно?

– Относительно. Базу я так и не нашла. А за удачу – Михалычу спасибо. Он не только ружейный мастер, но и сапер первостатейнейший. У него полфургона всякими прибабасами забито. Так что некоторые его штучки – очень даже к месту пришли. Олег Михайлович – дядька правильный, еще при Маргелове начинал, так что, сам понимаешь... Мы вместе уже три года, так он словно дочку меня обихаживает.

– Понятно...

– И еще что тебе скажу. Места тут глухие, народ своеобразный и весьма непростой, возьми хоть тех же староверов. Да и помимо них здесь много чего интересного есть.

– Ты это к чему?

– К тому, Витя, что мы тут не одни шастаем.

– Догадываюсь... И кто же здесь такой умный?

– Не наши коллеги – это уж совершенно точно. Скорее всего, какие-то местные мужики. Во всяком разе, они здесь – как рыба в воде. Мы с тобою, при всех своих талантах, им не соперники. В смысле – по лесу ходить. Он для них – дом родной, а мы все здесь – в гостях. Усекаешь?

– Сучок?

– Он самый. Их почерк.

– Приходилось видеть?

– Слышать. Так они насильников и убийц карали. Не спрашивай, что это за народ – не знаю. Сразу тебе говорю. Но! Один момент ты знать должен.

– Какой же?

– Они уже третий раз со мною пересекаются. И все время – после боя. Сами они никуда не лезут, только смотрят. И не мешают – никому не мешают. Вот я и оставляю на месте боя – обычно на своей позиции – патрон от винтовки. Он приметный, таких тут больше ни у кого нет.

– Визитная карточка?

– В своем роде.

– Зачем это тебе?

– Кто знает, что у этих мужиков на уме? Оппоненты мои по ним стрельнули разок, у меня, слава Богу, таких срывов не случилось.

– А этим, что по ним стрельнули, мужики твои ничего не высказали?

– Не успели...

Дальнейшая дорога оказалось в относительно неплохом состоянии, во всяком случае, серьезного ремонта делать не пришлось. Даже лес слегка отступил в стороны. Правда, оказалась и в этой бочке меда основательная ложка дегтя. Солнце уже клонилось к закату, когда из головной машины внезапно дали сигнал экстренной остановки.

– Что там у вас? – хватаю тангенту передатчика.

– Дозиметр присвистнул!

Ни фиги себе! Выпрыгиваю на дорогу и топаю в голову колонны. Только такого подарка нам и не хватало...

Причину взбрыкивания счетчика установили не сразу.

Пока, облачившись в соответствующие одежды, наши дозиметристы добросовестно наматывали круги по дороге и ее окрестностям, мы с ребятами ломали голову, прикидывая – откуда здесь могла появиться подобная напасть? Взрываться тут было нечему, каких-либо секретных хранилищ тоже не водилось. Во всяком случае, о них никто не знал. Совместный мозговой штурм, в котором по рации приняли участие и наши сотоварищи из Рудного, ни к какому выводу так и не привел. Так что возвращения дозиметристов ждали, в буквальном смысле, затаив дыхание.

– ... Полоса загрязнения идет отсюда, – ткнул в карту карандаш. – Фронтом на юго-восток. Ширина его составляет около полутора километров. Фон стабилен, превышение естественного уровня значительное – пребывание в зоне свыше десяти минут уже представляет угрозу для здоровья. Точнее можем сказать после расшифровки показаний аппаратуры. Общие размеры загрязненного участка порядка четырех с половиной на полтора-два километра. Дорогу желательно проложить в объезд зараженного участка.

Старший дозиметрист поднял от карты раскрасневшееся лицо и протянул руку к пустому стакану. Из-за моей спины высунулась рука с флягой. Булькнул холодный чай, наполняя опустевшую емкость.

– Спасибо! – кивнул дозиметрист. – Собственно говоря, у меня все.

– Откуда это здесь появилось?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Наиболее вероятная причина – осадки. Больше ничем такое пятно не создать. Скорее всего, это откуда-то из-под Печоры занесло.

– И какие будут рекомендации?

– Объезд. Ведь обеззараживать это пятно мутное дело, да и смысла нет. Долго и хлопотно, а главное – незачем. Обозначить границы и расчистить просеку в обход зараженного участка – гораздо проще.

– Угу... Алексей Николаевич, – поворачиваюсь к нашему инженеру. – Вам и карты в руки! Займитесь объездом и маркировкой. Колонне – отдых, посменно. Организовать охранение, выделить людей в помощь инженеру Логинову. Доклад в Рудный – каждый час.

А я тоже посплю. Имею, наконец, право или нет? Набегался, напрыгался, даже и настроился... надо заспать все это дело. Не спорю, минут двести и на ходу урвать удалось – так то ж на ходу! А вот чтоб спокойно, с чувством и с толком, да одежду снять... Тот, кто воевал, меня поймет. Это иногда дорогого стоит – по-человечески, в мягкой постели поспать... Калин в дорогу выделил мне шикарный подарок – классный немецкий двухслойный спальник. Судя по лейбаку, спать в нем было можно аж при минус сорока градусах. Мягкий, теплый и уютный... красота!

Прижавшись к краю дороги, колонна затихла. Потрескивали, остывая, двигатели. Что-то пощелкивало в машинах, поскрипывали рессоры.

Ушли в стороны посты охранения, и в колонне не стало заметно никакого движения. Только в той стороне, куда выдвинулись рабочие команды, слышалось порывивание бензопил и треск падающих деревьев.

Проснулся я сам и несколько минут лежал, всматриваясь в окно. Там виднелось очищенное от облачков небо. Утро? Похоже... Эдак я не три-четыре часа прихватил... совсем совесть потерял! С сожалением вылезая из теплого спальника, надеваю брюки и, прихватив полотенце, вываливаюсь наружу. На улице по-утреннему свежо, дует легкий ветерок. Размахивая на ходу руками, бегу вдоль машин к цистерне с водой. По пути натыкаюсь на Логинова. Инженер спит, присев около колеса монстромобиля. Что ж он так-то? На земле... можно и внутрь залезть. Присаживаюсь рядом и трогаю его за плечо.

– Алексей Николаевич!

– А? Да... что?!

– Ничего-ничего... вы бы в машину поднялись, прохладно ведь.

Он трет щеки.

– Да я... вот присел-то всего на пять минут...

– Отоспитесь еще. Что там у нас?

– Да, в целом, уже все. Просеку мы прорубили, благо по пути полянки небольшие попались, ими и воспользовались. Осталось только съезды отсыпать, но этим уже занимаются. Мы-то и так пройдем, но вот прочий транспорт... не факт. Знаки поставили, со стороны дороги их хорошо видно.

– Идите спать! Это приказ – и будьте любезны его исполнять! В обед разбудим. Ребят накормили?

– Да, Неклюдов все обеспечил. Горячую пищу и чай. Ловко это у него выходит!

– Мастерство не пропьешь. А сейчас – лезьте в кузов и на боковую!

Умывшись, подбегаю к кухне. Она уже под парами, вездесущий прапорщик что-то варивает молодому парню, сегодня назначенному в кухонный наряд.

– Утро доброе, Виктор Михайлович! – приветливо машу рукой Неклюдову.

– Здравия желаю, товарищ майор! – расправляя свои седые усы, отвечает прапорщик.

– Завтрак готовите?

– А как же?! – искренне удивляется он. – Зазря, что ли, мы с собою эту штуку везем?

Здесь он прав. Дебаты относительно необходимости тащить с собою сей агрегат были неожиданно продолжительными и упорными. Как ни странно, но оба наших прапорщика тут выступили единым фронтом – за. И никакие мои аргументы, что это снизит нашу мобильность, во внимание не принимались.

– Голодный боец далеко не убежит, – поставил точку в нашем споре прапорщик Митяев. – Вы, товарищ майор, часто кормежкой личного состава заведовали? Нет? Ну, так душевно вас прошу – учитывать мнение профессионалов.

Положили меня многоопытные прапоры на лопатки. Крыть было нечем, и извлеченное из танкового хранилища грозное изделие советского военпрома быстро расконсервировали и подготовили к маршу.

– Повезло вам! – между делом заметил Калинин, чьи мастера готовили к маршу данный агрегат.

– В смысле?

– Это вам переходный вариант кухни достался. На дровах и жидком топливе – хоть на угле, на всем работать может. Последующие экземпляры полегче были, но и послабее. В том плане, что не так прочно сделаны. А чтобы эту штуку угробить... – покачал он головой, – так я даже и представить не могу, что такое сотворить надобно.

– А не много засыпаете, Виктор Михайлович? – окинув взглядом пустую тару из-под продуктов, спрашиваю я.

– Час назад на связь вышла колонна из Печоры. По нашим прикидкам, встреча произойдет часа через три-четыре, возможно и раньше, если мы им навстречу тронемся. Там почти четыреста человек гражданских. В основном – дети. Кормить их сухпаем?

– Сдаюсь! – поднимаю обе руки вверх. – Вам виднее. Ну, а сейчас-то что-нибудь мне перекусить найдете?

Он делает шаг в сторону, и я вижу, что на деревянном ящике пофыркивает примус. А на примусе исходит паром чайник. Рядом стоит накрытый крышкой котелок.

– Вы еще умываться побежали, как для вас еду разогреваться поставили...

Благодарно хлопаю его по плечу и присаживаюсь на ящик. Гречка с мясом – знакомый и привычный продукт. Но несмотря на это – не менее желанный. И вкусный. Уплетая кашу за обе щеки, вижу, как к кухне понемногу подтягиваются старшие машин. Одеты, заправлены – не чета мне. Я вообще в майке сижу.

Окинув их взглядом, Неклюдов вздыхает и жестом фокусника достает откуда-то еще один чайник – побольше.

Как выяснилось, новость о печорской колонне знали уже почти все. Поэтому долгим наше чаепитие не стало. Бойцам выдали пайки, и через полчаса мы были готовы к маршу.

Несмотря на то, что большинство работ велось в темноте, дорогу ребята сделали вполне приличную. Даже прогнали по ней взад-вперед топливозаправщики, чтобы укатать и утрамбовать свеженасыпанную землю. Осмотрев результаты их труда, лезу за рацию – пора начинать утреннюю перекличку.

– «Удав» в канале! Прошу доложить обстановку!

И понеслось... Словно из дырявого мешка, посыпались на меня различные подробности и комментарии.

Сидя у передатчика, понемногу въезжаю в обстановку.

На отбитый нами КПМ подошло подкрепление от уиновцев – полтора десятка бойцов с офицером. Привезли с собою два станкача и сейчас совместными усилиями организуют там оборону. Привезшие их грузовики двинулись к Рудному – за снаряжением и продовольствием.

Ракетчики доложили об окончании постройки блокпоста. Наши связисты уже присвоили ему позывной.

В городе начались ремонтно-восстановительные работы на железнодорожном мосту. И вот это известие меня порадовало больше всего. В депо стояло несколько паровозов, и если дорогу восстановят... эх, поймать бы того умника, что мост подорвал! Там бы на нем и повесил...

В общем, работа пошла. И пошла хорошо. Город понемногу оживал, в деревнях тоже началось шевеление. И это меня радовало, отодвигая на задний план все тревоги и волнения прошедших дней.

А вот от Потеряшки никаких вестей не приходило. Хотя я и был уверен в нем, но определенная доля беспокойства все равно присутствовала. Да и Гадалка... тот еще спутник. Нет, в ее профпригодности сомнений никаких не было. Но рассказ Виктора о прошлом Галины заставлял меня еще и еще раз перелопачивать в уме все известные подробности.

Ладно, она здесь на задании. На каком – это вопрос не сиюминутный. Во всяком разе, нам она не соперник. Союзник, причем весьма серьезный. Голова у нее есть, должна соображать, что сейчас всякие ведомственные выкрутасы – побоку. Не время для этого, тут каждый грамотный специалист по-своему бесценен. Рядом держаться надо. Мы-то это уже поняли, а вот поймет ли Гадалка?

Машину слегка качнуло на повороте и, долбанувшись плечом о стойку, я оторвался от своих размышлений. Дорога здесь в неплохом состоянии, можно и побыстрее ехать.

– «Удав-1» – «Каа»!

– На связи!

– Прибавить скорость. Головному дозору – увеличить дистанцию в два раза.

– Принято! Исполняем.

Колонна ощутимо ускорилась – лес по бокам замелькал, как в кино. Эх, всегда бы так ехать!

Через три часа хода с головной машины пришел сигнал...

– Старший колонны капитан Лопатин! – худощавый, с осунувшимся лицом, офицер поднял ладонь к виску.

– Комендант Рудненского гарнизона майор Рыжов! – ответно козыряю ему. – Здравствуйте, товарищ капитан! Как дошли?

– Здравия желаю, товарищ майор! Дошли...

– Как обстановка? Происшествия, больные... рассказывайте, капитан. Как вас по имени-отчеству?

– Андрей Харитонович, товарищ майор.

– Сергей Николаевич. Да вы присаживайтесь, в ногах правды нет, – указываю ему на поваленное дерево.

Капитан не ломается и осторожно опускается на старую березу. Обмундирование у него хоть и изрядно поношенное, но выглядит аккуратно – видно, что следит за своей внешностью. Странно, насколько я осведомлен, ракетчиков и части ПВО снабжали неплохо, отчего же у капитана столь потрепанный облик?

– Начну с начала. В колонне семьсот шестьдесят три человека. Военнослужащих – пятьдесят три. Шестеро офицеров, четыре прапорщика и сорок три бойца. Остальные – гражданское население. Детей – триста сорок человек.

Смотрю на сборную колонну и тихо охреневаю. Тут чего только нет! Обыкновенные рейсовые «пазики», один шикарный «экскурсионный» автобус. Несколько тентованных грузовиков – явно армейские. А все прочее – сборная солянка. На их фоне мы выглядим верхом слаженности и порядка.

– ... в пути были обстреляны неизвестными. По машине ГПЗ был открыт ружейный огонь. Легко ранено двое солдат. Ответным огнем нападающие были рассеяны и, увидев подход основных сил, отошли в лес, не приняв боя.

– Где это было?

Капитан делает пометку на карте.

– Проверим. Что еще?

– Топливо – в машинах осталось по половине бака, а где-то и того меньше.

– Алексей Николаевич! – нахожу глазами Логинова. Это нетрудно – почти все старшие машин, кроме головной и тыловой заставы, столпились здесь. – Обеспечить заправку!

Инженер молча кивает и тут же растворяется в толпе.

– Спасибо, – на секунду прикрывает глаза капитан.

Блин, да он же спит на ходу!

– Андрей Харитонович!

– Да?! – вскидывает он голову.

– С продовольствием у вас как?

– А нету его, товарищ майор...

Скрипнув зубами, с места срывается прапорщик Неклюдов. Е-мое, как же это я так лопухнулся-то?! Об этом сразу спрашивать надо было! Взмахом руки посылаю всех следом за ним...

– Они сутками не спали – завалы растаскивали, транспорт искали. Полгорода перевернули, все продовольствие какое-нибудь найти пытались, – торопливо прихлебывая горячее какао, рассказывает мне невысокий дядька. Это врач – Семен Маркович Гершев. Стомато-

лог, но в данном случае – обычный терапевт. На все руки мастер. В колонне их двое, и еще несколько человек остались в полуразрушенном городе. Съев буквально пару ложек горячего супа, капитан отрубился полностью. Будить его я запретил – пусть отдохнет. Как оказалось, в почти аналогичном состоянии находились и другие офицеры. Да и солдаты от них не отставали. Боевая ценность их сейчас ненамного отличалась от нуля. Поэтому в охранение заступили мои бойцы. Даже командовать не пришлось, все прекрасно видели встреченных нами военных и то, насколько они измотаны.

А у кухни творилось столпотворение...

Прапорщик со своей командой только что с ног не валились! Того, что мы приготовили с утра, еле хватило только на то, чтобы накормить детей и самых оголодавших взрослых. Большинство из них почти тут же сморил сон – народ, в прямом смысле слова, попадал там, где стоял. Прямо-таки сонное царство! Даже до автобусов не все добрались. Вот тут я и обратил внимание на парочку взрослых (как в воду глядел – они тоже оказались медиками), которые, по мере сил, старались помогать таким вот отрубившимся товарищам. Отправив им на смену нашего фельдшера, притащил их к своей машине и почти силком усадил поесть. Пока еще Неклюдов приготовит вторую порцию обеда...

– Так что же – в городе настолько все плохо?

– Нет его. Больше половины разрушено. Основной удар нацеливали, надо думать, на локатор. Но, когда большую часть ракет посбивали, ударили и по ракетчикам. Там теперь ничего нет... А ведь это – совсем рядом. Краем зацепило и город. Не очень сильно, но много ли нужно нашим домикам? Были пожары, много строений отстоять не удалось, – врач снова отпивает горячий напиток. Не может оторваться, греет руки об кружку. Странно, на улице вполне тепло...

– Много народу пострадало?

– Много... очень много.

Представляю себе, что значит это слово для небольшого города...

– Больные?

– Есть раненые, облучившиеся, обгоревшие... всякие есть. С медикаментами... плохо совсем. Военные отдали все, что у них было. Все лекарства, продовольствие... но его и так-то оставалось совсем ничего. Никто же не рассчитывал, что им придется еще и городских жителей кормить.

– А раненые где?

– Там, в колонне, санитарный автобус. В нем те, кого можно перевозить. Не волнуйтесь! – вскидывается Семен Маркович, увидев мое движение. – Ваши товарищи уже в курсе дела – я им это сразу сказал. Там дежурит Леночка, у нее есть еще немного продовольствия, так что голод раненым не грозит. Уже не грозит...

– Да успокойся ты... – ворчит его спутник. – Тут чай тоже не совсем лопухи собрались. Видишь же – народ и так все, что возможно, делает.

Спутник этот – весьма колоритный персонаж. Здоровенный, густо заросший черным волосом мужик. Внешность – самая бандитская, не дай бог такого ночью встретить! И тем не менее – хирург. Причем, как говорится, от бога. Игорь Викторович Левин – я его даже как-то раз по телевизору видел. Столичная знаменитость, приехал сюда к друзьям рыбки половить. Вот и половил... Сейчас он сидит рядом, тщательно выскребая ложкой консервную банку. Невозмутим, словно статуя Будды.

– А мне иначе нельзя, – говорит он, увидев мой взгляд. – Хирург, уважаемый, должен во всякое время спокойным быть. Это, знаете ли, не порошки выписывать, да и не зубы рвать! Чуть рукой не так дернул – пожалте бриться! И ничего уже не исправить, так-то! Протез, как вон у Семена Марковича, уже не поставить. Я, майор, знаю, о чем говорю – сто три операции в полевых условиях провел. Бывалоча и ручными фонариками подсвечивали.

– Это где ж так-то?

– Афганистан, Спитак... пришлось побегать-то... Так что понимаю, когда врач спокойным быть должен и куда ему башку свою совать не надобно!

Его коллега вспыхивает и пытается что-то сказать, но Левин одним жестом пресекает его возражения.

– Ежели тебе балка по лбу звезданет – кому с того легче станет? Кто людей обихаживать будет – я один? Или девчушки наши?

Понимающе киваю. В этом вопросе у меня с ним разногласий нет.

– Ты вот что, – хлопает Гершева по плечу хирург. – Иди-ка и сам поспи. Давай-давай, с тебя сейчас толку...

Засмущавшийся стоматолог, держа в руках кружку с какао, куда-то уходит. Понимаю, что Левин отослал его не просто так, что-то хочет мне сказать. Так оно и оказалось.

– Майор, в колонне больше половины людей получили серьезные дозы облучения. Сейчас они пока еще на ногах, но, сами понимаете – ненадолго. Первичные признаки лучевой болезни – налицо. А чем мы могли им помочь там, в полуразрушенном городе? Так что – делайте выводы.

– Ясенько... Надо их поскорее в Рудный, может быть, там сможем что-то сделать? А кто из них пострадал сильнее всех?

– Почти все офицеры и большинство солдат – разбирали завалы, а там... да и сам Гершев тоже изрядно хватанул.

– Он-то как?

– Лез куда не надо. Понимаю его, – со вздохом говорит хирург. – Мне-то хоть некогда было терзаться – сто восемьдесят шесть операций, как не свалился, и сам не врублюсь. А вот он... Понимаешь, майор, когда сидишь и видишь что ничем никому помочь не можешь... крыша конкретно едет, я тебе говорю! Ничего же почти нет, уж молчу про лекарства – даже вина красного всего полсотни бутылок нашли. Вот он и срывался на спасоперации – бревна ворочал, в завалы лез...

– Да уж... сильно ему досталось?

– Прилично. Головную боль только лекарствами и глушит. Так еще и не спит! Хотя вы распорядитесь – меня-то он и не слушает.

– Обязательно. Надо будет – к койке привяжем! А как вы в этом отношении?

– Бог миловал... – почесав бороду, отвечает Левин. – Первое правило хирурга – больного вымыть и на стол в одежде не класть! Это и помогло. Вся гадость за дверями оставалась. Медсестры – и то больше огребли. А что до больных и меня – таким вот образом и обходилось.

Видно, что бородач смущен. Здоровому мужику неудобно за подобную ситуацию.

– Осуждаешь? – поднимает он на меня глаза.

– Нет. У вас ведь хирургов не взвод был?

– Один я. Да еще молоденький лейтенант у локаторщиков – вот и вся наша хирургия. У вас-то как?

– Ненамного лучше. Терапевты есть... человек шесть. Сельские врачи, немного меньше десятка. Окулистов... двое вроде бы. Точнее не скажу.

– Хреново... Солдаты облучились уже давно, у многих симптомы лучевой болезни видны явственно. Слава Богу, тяжелых здесь нет, но вот всех прочих – хватает. И что прикажешь делать?

– Я же не врач! Откуда мне знать? У вас опыта больше – вот и берите на себя руководство нашими медиками.

– Вот тебе и здасьте! Без меня меня женили! Какой к чертям из меня руководитель?!

– Другого опытного врача у нас нет.

– Майор, ты уж впереди паровоза не беги, ладно? Дай хоть до чистого места добраться... Кстати, у вас там как в этом смысле?

– Чисто. Опа! – хлопаю я себя по лбу. – Есть мысль!

Мысль действительно возникла неожиданно. У наших-то ракетчиков, в их подземельях, уж точно что-то есть противорадиационное! Да и врач там имелся – это я хорошо помнил.

– Вот что, доктор, появилось тут некое соображение... Вы обождите меня здесь, хорошо?

Через полчаса с ракетной точки пришло подтверждение. Есть небольшой запас соответствующих лекарств. И врач есть – даже два. Что ценно – оба имеют опыт в лечении подобных больных. С души не то что кирпич – бетонный блок упал! Спешу с этой новостью к бородачу.

Он не спит, сидит и ждет меня на прежнем месте. Выслушав новости, удовлетворенно кивает.

– Ну, хоть что-то... Обрадую Семена, как встанет, а то он уже весь извелся...

Утром следующего дня от уиновцев подошел бронетранспортер и два УАЗа с солдатами. По моей просьбе, они выделили их для усиления охраны колонны. Заодно сменили часть водителей – те не очень хорошо себя чувствовали. Теперь я за людей уже не так волновался. Три десятка солдат да бэтэр – немного найдется желающих отведать свинцового гостинца. Да и дорога позади нас должна быть чистой. КПМ и блокпост зенитчиков перекрывали самые ответственные места. А из города должна была выйти небольшая колонна навстречу.

Дойдут! Сейчас в этом сомнений не было. Скорее бы уж...

Пробегаю вдоль колонны, на ходу инспектирую состояние отъезжающих. Не так много прошло времени, но даже и сейчас вижу оживающих на глазах людей. Наш прапор со своими помощниками трудился все это время, в прямом смысле слова – не покладая рук. И сумел немного откормить оголодавших. Надо будет не забыть сказать ему несколько теплых слов – заслужил.

Огибая автобус, сталкиваюсь с Левиным. Он, как обычно, суров и чем-то недоволен. Впрочем, возможно, так только кажется – внешний вид хирурга тому немало способствует.

– День вам добрый, Игорь Викторович! Что у вас вид такой насупленный?

– Было б с чего веселиться...

– Отъезжаем же! Вернее – вы отъезжаете, мы дальше идем. Вот и сопровождение ваше прибыло, – машу рукою в сторону бронетранспортера. – Авось не будет дурных на вас хвост задирать!

– Это добре... хоть без стрельбы дойдем...

– Да что вы такой?! Прямо-таки бука – как в детских книжках! А коллега ваш где? Надобно и его порадовать!

– Да... думаю, он и так уже в курсе...

– Не понял...

– Помер он утром. А мертвые, если легендам верить, все знают.

– То есть как? Почему помер? Что случилось?

– Сердце. Плюс облучение. Плюс нервы. Да и много чего еще... До последнего хорохорился, больных поддержать старался. Лег передохнуть – и уже не встал... Просто не проснулся.

Вот оно как бывает... А я так и не поговорил с ним как следует, не успел поблагодарить.

Грешным делом – я тоже любил играть во всякие компьютерные игрушки. «Фоллаут», «Сталкер»... и им подобные. И то, как должен выглядеть в будущем город, подвергшийся ядерному удару, представлял, в основном, по данным играм. Нет, разрушенных и разбомбленных городов я насмотрелся. По ним находился и напознал. Но вот по расхреначенному ядерным зарядом...

Да ничем особенным этот город не отличается. Такие же развалины, такие же засыпанные обломками улицы. Никаких мутантов не видно. Надо думать, что они здесь никогда и не появятся – тайга. Местное зверье кого хочешь сожрет, будь ты хоть распромутант. Чужакам тут ничего не светит. И в отличие от «Фоллаута», где все было покрыто равномерным слоем всевозможного мусора и обломков, здесь видны следы деятельности человека. Основные улицы более-менее расчищены. Во всяком случае, проехать по ним вполне возможно. Да, маленькие переулочки загромождены, но, как я понимаю, туда никто и не совался – незачем. Зато оперативно подогнать пожарную машину и потушить загоревшийся дом – вполне возможно, проходы позволяли. И это делали не раз, во многих местах виднелись следы такой работы. Даже и непригодный для жизни, город поддерживался в относительном порядке.

Непригодный – дозиметры на «Мамонтах» негодуяще потрескивали. Долго находиться в этих местах весьма нежелательно. По радиции отдаю приказ – всем надеть противогазы и ОЗК. Слава Богу, этого добра на складах предостаточно запасено, так что и с собою мы его прихватили – даже с избытком. Закрыли окна и задраили кузова – только радиоактивной пыли нам тут не хватало. По уму, так лучше бы объехать город стороной – но никто не знал дороги. Да и в каком состоянии она сейчас находилась? А так хоть ориентир перед глазами – громада «Дарьяла» возвышалась на горизонте, и цель нашего путешествия хорошо видна.

– «Удав» – «Кубику»!

– В канале.

– Перед основным зданием сверните влево – там у нас санпропускник. Машины вымоем, и люди обработку пройдут.

– Принято. Кузова мы задраили на подъезде, личный состав в ОЗК. Как обстановка в городе?

– Под контролем. Патрули о вас знают, проводят, если что.

Патруль – это обыкновенная армейская «буханка». С наглухо задраенными окнами. Одну такую мы встретили – машина стояла на перекрестке. Нам приветливо помигали фарами, после чего она развернулась и встала в голову колонны.

Еще пара километров – и бетонный забор. Свернув влево, мы подъехали к открытым воротам.

Надо отдать должное местному начальству – мужики свое дело знали. Стоявшее передо мною сооружение явно возвели наспех, но с умом.

Стены из бетонных плит, наскоро возведенные по бокам прохода. Торчащие со всех сторон наконечники пожарных шлангов – по ним подали воду, щедро оросившую наши машины. Даже снизу чего-то там брызгало.

Забетонированная площадка для отстоя и дозиметрического контроля техники. Я обратил внимание на то, что пол повсюду имел уклон – вода не застаивалась на месте. А нехило здесь у кого-то котелок варит. Даже такие мелочи продумали. Уважаю...

Такой же, только не столь широкий, коридор для прохода людей. Здесь уже обычный душ – шесть сосков. Поэтому тут и возникли первые пробки – на такое количество людей за раз санпропускник рассчитан не был.

Но наконец все эти процедуры остались позади. Начальник встречавших – пожилой эмчевский капитан, дал отмашку. Путь свободен! И наша колонна бодро подкатила к железобетонному «кубику». Охренительное сооружение! Особенно вблизи. Шапка сваливалась с головы, когда я задираю голову, стараясь рассмотреть его получше.

Локатору досталось – по стенам ползали фигурки людей, что-то там делавшие. Чинят, надо думать. Надо же... других дел у них нет? Ведь все ракеты уже взлетели...

Полковник Лапин встретил нас у входа в небольшой двухэтажный домик. Вместе с ним пришли еще несколько человек, надо полагать, его замы, отвечавшие за конкретные направ-

ления деятельности. После краткого обмена приветствиями я тут же озадачил своих ребят разгрузкой продовольствия и прочих полезных вещей. Урок, полученный нами при встрече с печорской колонной, даром не прошел. Поговорить мы и после сможем, а вот дело ждать не станет.

Как выяснилось, в этом домике находился проход вниз – в рабочие помещения станции. Все наши сопровождающие разбежались по своим делам, и только мы с полковником теперь топали по длинному коридору.

– Ну, Николай Петрович, пока идем, рассказывайте. Свое обещание я выполнил – продовольствие и топливо подвезли. На первое время вам хватит. Сейчас в Рудном чинят мост – его попытались подорвать. Как закончат – направят к вам эшелон. Он уже побольше запасов доставит, да и людей назад прихватит. Все вам легче будет. Только с вашей стороны дорогу проверить надо будет.

– Это сделаем. На станции есть мотодрезины – две штуки. Солярку вы привезли, так что сегодня же отдам приказание их подготовить. Сформируем две ремонтные группы – пусть проверят путь на всякий случай. У нас даже тепловозы имеются, только вот с вагонами плохо, почти все пострадали.

– На всякий случай, сформируйте состав. Как наш поезд придет – организуйте эвакуацию. Я смотрю, с городом неважно обстоит. Жить здесь сложно будет.

– Это верно. Основную массу людей мы разместили здесь – места хватает. Есть еще помещения ремзавода – они в стороне от города, и удар их не зацепил. Там тоже организовано временное убежище, – полковник говорит медленно, тщательно подбирая слова. Он, как и начальник колонны, похудел и осунулся.

– Трудно у вас было? – спрашиваю у него.

– Сейчас-то полегче... Первые дни, они – да... всем надолго запомнились. Чуток всего до нас не дошло – на стенах кое-где даже антенны повредило. Зенитчикам спасибо – прикрыли нас.

– Уцелел кто-нибудь?

– У них тут склад ракет есть. Вот только там люди и остались. Один рейс сделали – подвезли ракеты на стартовые позиции. Перезарядили установки и назад – за новыми. А вот возвращаться-то и некуда оказалось... Эти-то и уцелели.

– Так у вас, стало быть, ракеты есть? Это хорошо! Потому как еще один дивизион противоракет мы имеем. Только с боезапасом там не очень.

– Тридцать шестой уцелел? Морозов?

– Знаете его?

– Знаю.

– Им тоже нехило досталось. Но почти четыре десятка ракет они заземлили.

– Понятно... Стало быть, и они нас прикрыли? Не только здешние зенитчики постарались....

– Наверное. Других-то целей тут нет.

– Есть.

От неожиданности я спотыкаюсь. Полковник удивленно на меня смотрит.

– Ну... я имею в виду объекты вашего масштаба, – поправляюсь я.

– А-а-а... ну, да. Таких глобальных – действительно нет. А помельче объекты... у вас вон что-то есть, мы этот район все время контролировали.

Это он Лизунова в виду имеет? Нет уж, про этот козырь я пока умолчу. Уж больно жуткий сюрприз выйдет.

– Да... там старая база ракетных войск. Они нам хорошо помогли техникой.

– Подождите, а хозяйство Тупикова? Объект сто шестьдесят один? С ними вы связывались?

– Руки не дошли. Ваша проблема – куда как более серьезна.

Так... что это за хозяйство такое? И объект этот? Название я вспомнил – в документах губернатора оно было. Сегодня же связистам вломлю – мышей не ловят вообще! А не скажи мне полковник об этом, и дальше бы ничего не знали?

– Это да... – кивает Лапин. – По ним-то, я думаю, и не били совсем. Разве только пару ракет... Никому второй Чернобыль не нужен. Если уж там рвануло бы – черт знает, куда этот хвост занесло бы... Да и достать их... тоже задача не из простых. Мы-то гораздо более неприятный для противника объект. Пока станция работает – мимо ничего не прошмыгнет! Наши специалисты только за первые два часа свыше четырех тысяч целеуказаний выдали!

Час от часу не легче! ЧТО там такое стоит? А ведь на карту глянув, можно понять, что встреченные мною ракетчики прикрывали не только «Дарьял»! Надо думать, и это интересное место тоже входило в их зону ответственности. Кстати... сбитый ими самолет – а он-то куда летел? Надо будет поинтересоваться...

Дойдя до своего кабинета, полковник приотворил дверь и жестом радушного хозяина предложил входить. Комната оказалась относительно небольшой, в углу стоял компьютер, а на письменном столе были разложены всяческие штуковины. Знакомые и незнакомые.

– Присаживайтесь, Сергей Николаевич, – кивнул он мне на стул. – Здесь у меня скромно, зато все под рукой. А свой основной, так сказать – парадный, кабинет я эвакуированным отдал – места там много...

– Поможем, Николай Петрович, поможем. Как у вас дела обстоят?

– Локатор, в принципе, исправен. Некоторые незначительные поломки существенно не повлияли на работу всей системы. Вопрос только с топливом для электростанции...

– Но ведь мобпакет у вас есть?

– Есть. И изложенное там задание очень сильно нас подгоняет...

– На предмет?

– Возобновления боевого дежурства. Всех запасов топлива, что вы привезли, хватит на час работы системы.

– А раньше-то вы... – вот я лопух! У него же здесь еще и реактор имеется! – Таких задач не ставили, что ли?

– Прорабатывался и этот вопрос... но...

– Но?

– У нас тогда все работало. И личного состава было достаточно. Тогда. Сейчас, ясен пень, не так уж все и хорошо. Реактор запустить пока не смогли... С продовольствием утык. Связи нет.

– И надолго того реактора хватит?

– В штатном рабочем режиме?

– Ну, да...

– Лет на пять... или на десять... Нет, скорее на десять – город-то ныне не обихаживать? Топливные сборки запасные есть, так что мощи нам хватит.

– А что с реактором? Сильно поврежден?

– Не особенно. В принципе, восстановить мы его можем и этим уже занимаемся. Не хватает специалистов да материалов кое-каких. Не смертельно, но времени требует. Отключение разрушенных объектов мы уже произвели, сеть перекоммутировали. Так что сможем даже вам электроэнергией помочь, если ЛЭП в исправности.

– Я не специалист в данном вопросе, но чисто внешне – линия вроде бы цела. Во всяком случае – там, где я ее видел. Давайте-ка прозвонимся на узел связи, пусть вышлют с нашей стороны бригаду ремонтников. Когда еще у вас реактор заработает, а сейчас мы вам можем электричеством помочь. У нас-то электростанция в исправности, и угля достаточно, так что

больших проблем с этим не будет. Локатор вы не запустите, но какие-то вопросы решать сможете. Соляр лучше побережь, где мы его брать станем?

– В Усинске. Это же совсем рядом. Там нефтяные скважины, да и завод соответствующий имеется. И у нас в округе кое-что есть. Только выработку топлива из сырой нефти наладить нужно.

– А у вас с ними связь есть?

– Нет. Отправляли мы туда свою группу – да только не вернулся никто назад. И по рации не ответили.

Так! Это уже кое-что. Срочно надо и туда нашу разведку засылать. Блин, да где же я на все это людей найду? Кстати...

– А с личным составом у вас как, товарищ полковник? Людей хватит?

– Плохо... – погрустнел он на глазах. – Большие потери – только безвозвратных около двухсот человек. Тут и погибшие при нападении есть, и от радиации мы много потеряли. Среди гражданских – так и не подсчитали еще до конца. Большинство пропало без вести, скорее всего, погибли. Наиболее проблемных раненых, которых можно перевозить, мы к вам отправили, но еще имеем около семидесяти человек тяжелых лежачих и около трехсот выздоравливающих. С медикаментами совсем плохо было, пока не разобрали развалины аптек – их тут две было, и горбольницы. Там много чего взяли, но... ведь и расход соответствующий!

– Сколько вам нужно людей, и на какие работы вы их собираетесь направить?

– С городом уже все завершили – эту проблему можно списать. Жить там все равно долго будет нельзя, так что туда людей не нужно. Локатор обслужим сами, эти специалисты, в основном, уцелели. Остается ремзавод, база ракет, станция и, собственно говоря, охрана всего этого хозяйства.

– А что это за завод? Чего он ремонтирует? И как там относительно радиационной обстановки?

– Построен совсем недавно, толком еще и не запустили. Предназначен для ремонта автотранспорта. С радиацией – норма, он в стороне от города стоит, туда ничего не залетало. Мы там сейчас основную массу населения держим – места хватает. Сырье, запасы всякие... всего вроде бы достаточно. Толком никто этого не проверял – просто руки не дошли.

Придется снова Калина напрягать – он по этой части мастер. Зато уж как он здесь развернется... даже и представить не могу. Станция железнодорожная... тут в Рудном пороемся, у нас таких специалистов хватает.

– Вот что, Николай Петрович! Ракеты мы вывезем. Вот Морозову все и отдадим – ему они как раз к месту будут. На завод я вам спеца пришлю. Да не одного – с командой! Мужик сложный, но с громадным опытом. На станцию тоже кого-нибудь подыщем. С охраной... попробуем и это решить, тут у вас отряд уиновцев без дела сидит – вот их и припашем. Всех не отдам, а вот человек пятьдесят...

– Это уже хорошо! Мои солдаты, так просто с ног уже падают! Да и с едой напряг громадный...

– Ну, здесь-то теперь попроще станет. Мы вам запас привезли, и еще подбросим. Население лишнее вывезем – у нас разместим. Места хватит, и в деревнях народ расселим.

Сказать, что я смог выспаться в последующие дни хоть разок – означало бы сильно погрешить против истины. Теперь понимаю, отчего все офицеры-локаторщики выглядели настолько измотанными. Блин, да я и половины этих проблем решить бы не сумел! Как они тут выворачивались – ума не приложу. Три дня промелькнули как один. Вся наша бригада пахла, как проклятая, и все равно – легче не становилось. Как нам все-таки в Рудном повезло, что город оказался целым. Побывав в первый раз на ремзаводе, очень быстро вспомнил лагеря беженцев в Африке. Только вот там, в отличие от ремзавода, бардак царил... даже и описать невоз-

можно, какой! А здесь... здесь... тихо, если так можно сказать. Только тишина эта была какой-то нехорошей, тяжелой и гнетущей. Пусть со дня катастрофы уже и прошло достаточно времени, чтобы люди как-то успокоились и пообвыкли, но все равно... это смогли сделать не все. Многие так и не вписались до конца в изменившуюся реальность.

– По-разному было, – говорит мне пожилой военврач, жадно затягиваясь привезенными нами папиросами. Этого добра на складах хватало. – В самые первые дни здесь крыша очень у многих съехала. Раз – и навсегда. Так в себя и не пришли. Даже и на нас бросались. Не смогли принять наступившую реальность.

– И что с ними стало?

– Человек двадцать мы изолировали, они сейчас в отдельном помещении живут. Охраняем – они себя не контролируют. Кормим – иногда даже с ложечки. Но пока до этого дошли... Многие смогли вырваться. Кто-то ушел в тайгу, некоторые в город вернулись – никто не уцелел, как вы понимаете. Что с ушедшими – не знаю, их никто не искал, не до того было. Вообще – трагедия очень многих изменила, какие-то новые качества появились, а старые, наоборот, поблекли. Новые лидеры появились – народ вокруг них собирается. Надо их срочно отсюда вывозить! Людям тут делать особо нечего, в город их выпускать нельзя. А безделье – оно развращает, и очень сильно.

Громадный кирпич рухнул с души, когда однажды утром на станции рывкнул паровозный гудок!

Поезд!

Смогли-таки мост ребята починить!

В город поезд благоразумно не полез – остановился около станции, не подходя к разрушенным строениям. Оттуда нас и вызвали по рации.

Посадив в «Мамонт» полковника, несемся на станцию.

Вблизи поезд производил впечатление... издали – тоже. И даже еще более сильное.

Угольные платформы с установленными на них танками – спереди и сзади. Два наглухо закрытых стальных вагона (это еще откуда взяли?!), с ПТУРСами на крышах и торчащими из амбразур пулеметными стволами. Стоящий на тендере АГС... Еще какие-то вагоны – и тоже под броней, хоть и не так основательно. Из амбразур стволы торчат. Да и много еще всяких огнестрельных прибалбасов... Серьезно, мы все прониклись.

А следом за этим поездом подошел вполне себе нормальный грузопассажирский. Нормальный, ибо наличие в его составе двух платформ огневой поддержки (с пулеметами и АГС) никого из нас не смущало.

Когда из двери стального вагона, отдуваясь и ворча, спустился Калинин, я ничуть не удивился. Кто, кроме него, смог бы задумать, а главное – воплотить в металл, такое сооружение?

– За основу мы взяли обычный вагон-рудовоз. Их в городе до хрена и больше. Наварили по борту уголки и сделали направляющие. Обшили снаружи и внутри двадцатимиллиметровыми стальными листами. А по направляющим опустили между ними металлические кассеты с песком. Суммарно вышло сорок миллиметров только стального листа, да плюс миллиметров шестьдесят-семьдесят песчаной засыпки. Никакая пуля не пробьет, и осколку это не по зубам. Да и снаряд не всякий, особенно, если калибр небольшой. А снаружи установили решетчатые экраны для защиты от РПГ, – довольный конструктор бронепоезда грузно топает вместе с нами вдоль вагонов, на ходу объясняя его устройство.

– И как – держит?

– Пробовали стрелять – до боевого отсека струя не доходит. Внешний слой дырявит – это без вопросов. А вот дальше – песок, он кумулятивный эффект здорово ослабляет. Так ведь и граната не сразу по борту бьет! Да и решетка... часто гранату вообще боком разворачивает – тут и вовсе бояться нечего.

– А с танками что намудрили? – интересуется полковник.

– Заметили уже? Те же вагоны взяли, только обрезали их по башню. Ну, в смысле, чтобы только башня и виднелась над бортом. Правда, вагон расширить пришлось, чтобы танк входил. Тут уже с броней не мудрили, ни к чему. А вот с экранами и с песчаной засыпкой поработали крепко – там она как бы и не вдвое больше против пулеметных вагонов. На башни и борта эти экраны приварили – все надежнее будет. Движки бы снять... но времени мало.

– Хорошо придумано, – соглашаюсь я. – Вооружение трофейное использовали?

– Башни с пулеметами и пушкой сняли с подбитых бронетранспортеров – как раз по башне на вагон вышло. На вагон с радиостанцией и штабной ПТУРСы воткнули. Из танкового склада привезли с десятков пулеметов. ДШКМ и СГМ. Их уже в амбразуры поставили. В крышах люки прорезали и АГСы в них воткнули. В хвостовом вагоне два миномета смонтировали на поворотных платформах. Крышу раздвинул – и лупи. Мин много взяли, их на складе до фигища нашлось. Переходы между вагонами прикрыли, но тут уже не так надежно – только от пуль... – Калин сокрушенно вздыхает. – Все бегом да бегом...

– И каково вооружение... э-э-э... бронепоезда? – интересуется Лапин.

– Три танка «Т-64» со штатным вооружением. Два миномета калибра восемьдесят два миллиметра – их на складе целый штабель лежит. Два АГС. Одна пушка двадцать три миллиметра. Один КПВТ. Шесть ДШКМ и шесть СГМ. Восемьдесят человек экипажа и сорок человек – десантно-ремонтная партия. Один паровоз и один тепловоз – этот на всякий случай. С ними, кстати говоря, тоже погорбатились – будь здоров! Тоже броню изобретали. Это же наше слабое место – повредят и все тогда, приехали. Правда, прикрыли только кабины да некоторые основные узлы – но и то гора с плеч!

– Основательно подготовились! – одобрительно киваю я.

Калин жмурится, словно довольный кот. Видно, что подобная оценка его детища доставляет ему удовольствие.

– Это еще не все... Припрет – можем взять под броню еще человек сто. На всякий, так сказать, случай. Для этой цели еще два вагона добавлено. Так-то в них пулеметчики сидят, и свободного места хватает. Мало ли... вывезти кого-нибудь надо будет... или еще что-то подобное...

Да уж!

Механики наши постарались! Я даже как-то растерялся при виде этого сооружения. Нет, разговоры-то помнил – их когда еще вели! Но вот того, что бронепоезд подготовят в такой короткий срок... не ожидал. Собирают вагоны начали еще до отхода колонны из Рудного, но чтобы настолько быстро... да, недооцениваю я наших специалистов.

Высказываю это бородачу, выражая свое восхищение работой механиков.

– Триста человек круглосуточно пахали! – поднимает он вверх палец. – Вот! Понимать надо – для себя делали! Почитай треть этих работников со мною сюда и прибыли.

– Э-э-э... зачем?

– Здравствуйте, приехали! – удивляется толстяк. – А станцию железнодорожную восстанавливать дядя будет? А завод этот ваш запускать? Сами возьметесь? Посмотрю на это с интересом...

Тут он безоговорочно прав, крыть нечем. Никого другого на этом месте и представить невозможно. Без него и его специалистов завод будем запускать долго... Правда, я их так скоро не ожидал, но это даже и к лучшему.

Надо отдать должное ребятам в Рудном – отправляя поезд, они предусмотрели многое из того, о чем я в горячке совершенно позабыл. Вместе с эшелонами сюда приехали около тридцати человек различных специалистов. Основная задача, поставленная перед ними – тщательный отбор и расселение людей. Таким образом, чтобы это было максимально эффективно

и полезно для всех. Как для самих людей, так и для общего дела. Ибо разместить в городе несколько тысяч человек мы, разумеется, могли. Но вот найти для них всех подходящее занятие... тут надо основательно голову напрячь. Никакая экономика просто не выдержит такого числа нахлебников. Именно так! И ничего постыдного здесь нет. Кто-то должен работать на производстве, а кто-то – на земле. Кормить остальных. Никакие склады бездонными не являются. Не станем сами производить продовольствие – загнемся. Вполне допускаю, что вчерашнему бизнесмену придется встать за станок или начать пахать землю. А что – есть выбор? Торговать мы еще не скоро начнем, особенно – в прежних масштабах. А уж про заграничные поставки можно и вовсе забыть. Надолго, если не навсегда.

Но начиная нелегкий процесс отбора и распределения людей, я и представить не мог даже половины тех проблем, с которыми мы столкнемся. Как ни странно, но легче всего оказалось с людьми пожилыми и в возрасте. Большинство из них сами изъявили желание жить в деревнях, на земле. Что послужило для них стимулом? Бог весть... Но осязаемый груз с моей души они сняли.

А дальше началось...

– Здравствуйте!

– Добрый день! – отозвались мне все присутствовавшие.

Их, собственно говоря, было не так уж и много. Ниночка – миловидная, быстро краснеющая от смущения девушка, и четверо мужчин. Один – пожилой, лет шестидесяти, дедок и трое крепких парней. Таджики? Узбеки?

Это оказались таджики.

– В чем проблема, уважаемые? – присаживаюсь на стул, стоящий около Нины. – Она говорит, что у вас есть какие-то требования. Могу я их узнать?

– Простите, а вы сам кто будете? – интересуется один из парней. Дед хранит молчание.

– Военный комендант области. Звание мое вы видите, а зовут меня Сергеем Николаевичем.

– Вы здесь самый главный?

– Здесь главный – полковник Лапин! А вот там, куда вы хотите поехать – я один из руководителей.

– То есть, вы можете что-то решать?

– Могу.

– Мы бы хотели жить рядом.

– А конкретнее?

– Понимаете... у нас есть свои обычаи. Правила поведения, если точнее. Мы всегда так живем.

– И что из этого следует? Работать вы где хотите?

– Мы... – он оглядывается на старика. – Мы еще не решили, что именно станем делать на новом месте.

– Ниночка, а вы им что предложили?

– Работать на станции они не хотят – не их профиль. В шахте – тоже. Я им предложила на выбор любую из трех близлежащих деревень – отказались.

– Так... – чешу в затылке. – И что же нам с вами делать?

– Возможно, мы смогли бы торговать...

– Где и чем? Вы ничего не производите – что же продавать собираетесь?

– Но... Другие же что-то ведь выращивают? Не всем удобно возить это на базар самим...

Понятно, передо мною «почтенное» племя перекупщиков.

– Вынужден вас разочаровать – базара у нас нет. И еще долго не будет. Чем же вы собираетесь на жизнь зарабатывать?

Нахально вру – есть базар. Только перекупщиков на нем не имеется. Да и не нужны они нам.

– Э-э-э... у нас есть деньги... доллары!

– Там, если дальше пройти по коридору, есть комнатка – туалет. Можете обклеить ими стены данного заведения – все веселее будет смотреться. Повторяю свой вопрос.

Дедок что-то буркнул.

– Тогда, если это можно, мы бы хотели осмотреться на месте.

– Можно. Осматривайтесь. Суток вам хватит?

– Почему так мало?

– Можно и больше. Только вот кормить вас более одних суток никто не станет.

– Почему? – удивляются молодые парни хором. – Мы же заплатим!

– Чем?

Они в замешательстве переглядываются.

Что делать, нет у меня никакого уважения к таким вот «труженикам» прилавка. Мы, разумеется, вполне способны прокормить их и больше суток, даже больше месяца. Но – не хочу. Не хочу отнимать кусок хлеба у тех, кому он нужен гораздо больше. И у тех, кто просто не может его заработать по недостатку сил или иным подобным причинам. Жестоко? Как сказать... Перед нами здесь прошло достаточно много людей. Были и такие, кто работать просто не мог. Хотя и изъявлял подобное желание, не в силах оставаться нахлебником. Девчушки наши из кожи вон лезли, изобретая уважительные причины, побуждавшие таких людей согласиться на какую-то легкую и ненапряжную работу. Дабы не чувствовали они себя дармоедами. Иногда это удавалось...

– Хорошо, – после некоторого раздумья говорит тот парень, что вел переговоры изначально. – Допустим, что мы согласны.

– Не проблема. Садитесь на поезд.

– Обождите, но у нас есть еще один вопрос!

– И какой же?

– Мы бы хотели жить вместе. По своим законам, так, как жили на родине. Ведь мы же имеем на это право?

– Имеете. У себя на родине. Как хотите – так там и живите.

– То есть?

– Повторяю. По своим законам вы можете жить у себя дома. В Таджикистане, если непонятно.

– Но... это неправильно! Мы будем жаловаться! Местная власть никогда нам в этом не препятствовала!

– Местная власть, в подавляющем большинстве, сейчас кормит могильных червей! А уцелевшие – ожидают суда! Хотите им пожаловаться? Не вопрос...

Они растеряны. Так с ними давно никто не говорил. И даже всесильный аргумент – деньги, отчего-то сейчас не сработал.

– А... что вы нам предлагаете?

– У себя дома, то есть в жилых домах, можете хоть на ушах стоять – ваше право. Но вот на людях и в повседневной жизни – будьте любезны соблюдать местные законы и обычаи.

Парни переглядываются. Мои слова им явно не по душе.

– Далее. Никакого компактного проживания – не будет. Где поселят – там и жить станете. И съехаться вместе – не дадим. В гости ходить – да хоть каждый день. После работы, ясен пень. Или в выходной. Мечеть хотите? Стройте, мешать не станем. Сами, в свободное от всего прочего время.

Молчание. Народ переваривает мои слова.

– А если мы откажемся?

– Шанцевый инструмент – лопаты, топоры и пилы, мы вам выдадим. Гвоздей отсыпшем, килограммов тридцать – на дома хватит. По четыре сухпая на каждого. Даже картошки и семян выделим, хотя их у нас немного. Оружия не дам, самим не хватает. На машинах вас вывезут за стокилометровую зону от ближайшего города, и – скатертью дорога, любезные! Времени на размышление – час. Через это время вы должны дать ответ. Все!

Через час я провожал взглядом уходящие грузовики. Уехало сто семьдесят шесть человек. Мужчины, женщины. И – что самое тяжелое, дети. Их было шестеро. Мне было очень трудно сдерживать себя, тем более, что именно их-то отъезжавшие упорно выставляли напоказ. Надо думать, старшие до конца мне не поверили и пытались разжалобить. С их точки зрения, это была еще одна попытка потребовать у них какую-то взятку или что-то подобное. Когда же ничего похожего с моей стороны не последовало, они взволновались не на шутку. Видать, поняли, что здесь никто церемониться не собирается. Но никаких дальнейших переговоров не последовало – руководители отъезжавших боялись потерять лицо. Знакомо, с такими случаями я раньше сталкивался. По моему приказу в машины погрузили еще сотню рационов и два охотничьих ружья. После этого из кузовов прыгнули на землю десятка полтора молодых парней и несколько девушек – эти уезжать отказались.

– Что же это они так? – интересуется Лапин, наблюдая за отъездом. – Жили-жили... и вдруг – нате вам?

– Они здесь давно обосновались?

– Да как сказать... скорее – заезжают. Постоянно здесь только их верхушка квартировала, оттого и детьми обзавелись. А все прочие вахтовым методом трудились. Два месяца одни, два месяца – другие. Они же тут не только на рынке промыслили. Лес перекупали, еще что-то... Мэр их привлекал...

– И где же он теперь?

– А хрен его знает... уехал куда-то, на охоту вроде бы. Да так и не вернулся.

– Дело в том, что возможность их дальнейшей «работы» в привычном ключе я сразу пресек. И устройство национального анклава среди нас – тоже. А для их верхушки это смерти подобно – они власть теряют моментально. Вот и решились на отъезд, авось хоть там что-то подобное сотворить смогут.

– А смогут?

– Да черт их знает! Нет, сами таджики – народ трудолюбивый и работать могут. Не должны пропасть – мы же их не голыми и босыми в лес выгнали? Все, потребное для обустройства, им выделили, даже несколько армейских палаток – на первое время, в машины погрузили. А вот уж как их верхушка завернет...

– Эти, пожалуй, что и завернут. Они, кстати говоря, не только таджики. Уйгуры есть, еще кто-то... черт их разберет... Насмотрелся я на этого деда... – сплевывает на землю полковник. – Ему в руки маузер – так чистый курбаши бы и вышел! Он их жестко держал – шибко не забалуешь! И подручные – ему под стать, такие же головорезы. Но внешне – все чинно выглядит. Не скандалят, никаких вопросов не задают. Но и с другими не общаются. Вообще. Даже воду – и ту из отдельного крана брали. Человек у них заболел, наш врач к деду, мол, надо посмотреть. Тот как отрезал – Аллах, мол, лучше знает, кому и что положено. Так и не пустили врача.

– А больной?

– А что больной? Помер, естественно. Они его сами и похоронили – он, судя по некоторым признакам, нехилую дозу радиации схватил. Залез, надо полагать, куда не следовало, вот и огреб.

– Да... вовремя мы эту компанию отсюда наладили. Только такого геморроя нам и не хватало...

Но неприятные сюрпризы этим не заканчивались.

– Здравствуйте, – мужчина представительной наружности, с сомнением оглядев стул, осторожно на него уселся.

– Добрый день! Вы хотели меня видеть, у вас есть какие-то вопросы? – рассматривая я своего собеседника.

Одет он хорошо, выглядит аккуратно и даже несколько вальяжно. Это несмотря на то, что просидел вместе со всеми на ремзаводе столько времени. Чувствуется – мужик за собою следит. Хотя, в сочетании с лысиной и очками... на начальника он походит мало, и это, по-видимому, ему не по душе.

– Да. Собственно говоря, я не понимаю вообще – на каком основании вы производите составление каких-то списков? Ограничиваете людей в их праве на свободное передвижение?

– Стоп-стоп-стоп! Давайте-ка по порядку. Для начала – хотя бы представьтесь. А то как-то нехорошо получается. Кто я такой – тут уже каждая собака знает. Да и на двери табличка висит – прочитать можно. Полковника Лапина здесь уже тоже никому представлять не нужно.

– Вы меня не знаете? – искренне удивляется визитер. – До сих пор не узнаете?

– Нет. Вы же не киноактер – это их все население в лицо помнит.

– Сергей Адамович Капышев.

– Очень приятно, Сергей Адамович. Итак – слушаю вас.

– Я про списки!

– Простите, но каким образом вы предлагаете наладить учет и контроль? Как мы будем организовывать снабжение населения, если не будем иметь этих данных?

– Для этого есть демократически избранные органы самоуправления!

– Отлично! – встаю и подхожу к двери. – Пойдемте?

– Куда?

– Познакомьте меня с этими достойными людьми. Ну? Чего же вы ждете? Я с превеликим удовольствием спихну на их плечи несвойственные нам обязанности.

В данном случае я над ним откровенно издеваюсь. Никаких следов этих самых органов мы так и не отыскали. А отдельные обнаруженные нами работники указанных структур были абсолютно неспособны делать хоть что-нибудь. Руководить – это пожалуйста! Но вот брать на себя ответственность... да еще в такое время... желание отсутствовало напрочь.

Визитер явно в замешательстве – не ожидал такого поворота событий. Вставать со стула не спешит.

– Э-э-э... но... я полагал, что они должны сюда прибыть? Это же их сфера деятельности?!

– Должны... – возвращаюсь на свое место. – Но не прибыли, увы... А как появятся – так сразу же на них всю эту тягомотину и спихну! У вас еще вопросы есть или все на этом?

– Есть! – с некоторым вызовом отвечает собеседник. – По какому праву вы устроили депортацию мирных и трудолюбивых таджиков? Это дискриминация!

Ему бы микрофон в руки – телеканалы лбами бы долбили, к себе его затаскивая! Пафос, благородное негодование – трибун! Сейчас «кровавую гэбню» обличать начнет, вон уже и воздуха в грудь набрал...

Стоп! Так вот это кто! Знаменитый «правозащитник» – прыщ на ровном месте... В телевизоре-то он и попадался...

– Это что еще за чекистские штучки? – грозно наезжаю на него. – Что за националистические бредни вы себе позволяете, уважаемый?!

Опа! Мужик просто обалдел. Нечасто на него давят его же привычной аргументацией...

– Вы демократ – или кто?! – продолжаю свой наезд.

В углу еле сдерживают смех наши девчонки. Места у нас мало – вот и сидим все вместе. Исподтишка, под столом, показываю им кулак – неча ржать!

– Я вас не понимаю... – теряет нить разговора трибун.

– В соответствии со всеми демократическими процедурами, перед ними, как перед гражданами иного государства, был поставлен вопрос о статусе их дальнейшего пребывания, – продолжая разговор сухим официальным тоном. – Нами были предложены несколько вариантов их дальнейшего обустройства. Большинством голосов они выбрали тот, который их больше устроил. Разумеется, мы не могли не учесть их пожеланий. Они были снабжены автотранспортом, продовольствием и снаряжением. Даже огнестрельным оружием! Так что, уважаемый, здесь вы неправы! Полностью и безоговорочно!

– И... у вас есть протокол их собрания? Можете предъявить?

– На каком основании я, как представитель иностранного (для них) государства, имею право требовать предоставления мне подобного документа? Укажите прецедент!

– Общественность расследует этот факт!

– Всенепременно! – согласно киваю в ответ. – Самым тщательным образом! Еще вопросы есть?

– Я обеспокоен судьбой своих молодых сотрудников. Они выехали перед самым... э-э-э... инцидентом в сторону Рудного. И пропали. Мне необходимо организовать их поиски! Это очень многообещающие люди, ценные специалисты!

– Трудно сказать, чем я могу вам помочь... сейчас так много людей пропало без вести... А сколько их было?

– Двое. Молодой человек и его девушка.

У меня в голове словно что-то щелкает. Парень и девушка... на позиции зенитчиков – вот где я про них слышал!

– Боюсь, я не обрадую вас. Они на машине были?

– Да. Светло-серая «Шевроле-Нива».

Все сходится. Именно такая машина сбила часового на посту у ворот дивизиона противоракет. Так вот кто их послал...

– Ваши... сотрудники самовольно проникли на территорию воинской части...

– Они оба – помощники депутата Госдумы! И имеют право...

– ...сбили машиной часового...

– Несчастный случай!

– ...и попытались воспрепятствовать запуску противоракет. По выявленным и идентифицированным ракетам противника.

– Ерунда! Ничем не подтвержденная ложь!

– Остались свидетели. Живые.

– Никакой суд не примет их показаний! Это подтасовка фактов!

– А суда и не нужно. Они оба погибли. От тех самых ракет, которые не дали сбить.

Капышев поперхнулся. Даже как-то лицом сник. Видать, что-то его с ними связывало...

На какое-то мгновение я его даже пожалел. В годах ведь мужик. Впереди уж точно ничего светлого не ожидает, только воспоминаниями и жить остается... Но, уловив мимолетным взором холодный блеск его глаз, опомнился. Нет уж, родной, я тебя вконец добью, чтобы и мыслей вредных более не возникало бы. На фиг нам тут пятой колонны не надобно. Хватит, наелись уже.

– Машенька, – поворачиваюсь к девушкам. – А вот, Сергей Адамович... он у нас куда распределен?

– Никуда... да он и разговаривать с нами на эту тему отказался, вас потребовал.

– Ага! Ну, так сейчас все и выясним. Сергей Адамович! Вы по специальности своей – кто будете?

– Я – правозащитник! – гордо произносит он.

– Это-то понятно... а делаете вы что? В смысле – на жизнь чем зарабатываете?

– Не понимаете? – с легким презрением смотрит на меня собеседник. – Я профессионально защищаю права тех, кто себя защитить не в состоянии! Этих же девушек, например!

– Угу... То есть, если на них нападет маньяк...

– Я не дам оставить это преступление безнаказанным!

– И каким же, позвольте вас спросить, образом?

– Вам надо и это объяснять? – удивляется Капышев.

– Машенька, – снова оборачиваюсь я к девушке. – Вот, например, на тебя маньяк нападет...

– Откуда ж ему здесь взяться-то?

– Из лесу выползет. Было б болото – а черти напрыгают! Ты ж у нас такая красавица! Девушка зарделась. Она действительно была очень хорошенькой и пригожей, на нее многие засматривались.

– Скажете тоже, Сергей Николаевич...

– Ну, все-таки! Вот, ползет такой маньяк... Что делать будешь?

Маша отворачивает полу курточки и щелкает пальцем по пистолетной кобуре.

– Вам ясно? – поворачиваюсь я к правозащитнику. – У нас каждый может постоять за себя. А ежели маньяк будет не один – так и у соседей стволы есть...

– Это беззаконие и произвол! Даже у преступников есть права!

– Все права преступника заканчиваются у чужого забора! – металлическим голосом отрезаю я. – И этот постулат пересмотрю не подлежит! Вообще! Никогда! Жертва имеет больше прав на оборону, чем преступник – на жизнь!

Капышев смотрит на меня, как на чудовище. Плевать!

– Вы беретесь защищать других? Хорошо! – продолжаю свою речь. – Позвольте вас спросить – каким образом? Оружие у вас есть?

– Нет...

– Так получите! В чем проблема?

– Я принципиальный противник вооружения населения! Вы за это ответите! Это беззаконие!

Все. Устал я от этого крикуна. Как же он меня достал...

– Подытоживаю. Как правозащитник – вы нам не нужны. Себя-то защитить не сможете, в случае чего. К вам самому охранника надо приставлять. Но здесь лишних людей нет. Последний раз спрашиваю – что вы умеете делать?

– Это произвол!

– Так. Машенька, оформи гражданину Капышеву выдачу продпайка на неделю.

– Хорошо, Сергей Николаевич.

– Выдать ему необходимый инструмент, палатку и все, что в этом случае полагается. Оружия не выдавать – он у нас пацифист. Медведя уболтает при необходимости.

Поворачиваюсь в его сторону.

Столичная знаменитость полностью выбита из колеи. Куда только гонор девался?

– Охране приказ – в город и на объекты не допускать! Переговоров не вести. Разрешаю применение оружия.

– Сделаем, Сергей Николаевич, – кивает девушка.

– Вот так, Сергей Адамович! Ваш мир – закончился. А в этом вы себе места не нашли. Не захотели. К большому сожалению многих «продвинутых» людей, дармоедов здесь не приветствуют. И болтовней на жизнь не зарабатывают. Восторженной публики у вас и вам подобных деятелей – больше не будет. Идите и устраивайте свою жизнь так, как до этого поучали других. Надеюсь, вам повезет...

Когда за ошалевшим «правозащитником» закрылась дверь, поворачиваюсь к девчонкам.
– Вот таких деятелей, милые вы мои, к нам на пушечный выстрел подпускать нельзя! Отрава это... хуже наркоты! Так что – смотрите в оба, на вас вся надежда.

И снова – повседневная круговерть.

Вернулись машины, отвозившие таджиков, и меня отловил в коридоре старший лейтенант из уиновцев, командовавший этой колонной. Заодно и охраной, так сказать, во избежание...

– Тут ведь какое дело, товарищ майор... Сложилось у меня впечатление, что они совершенно сознательно на этот отъезд пошли.

– Ну, да. Их же руководство на этом и настояло.

– Я не это в виду имел. Вы за их погрузкой не наблюдали?

– Нет. Только за отъездом. А что?

– А я вот за выгрузкой смотрел. И есть у меня такое ощущение, что они не просто уезжали – вывозили что-то. Весь груз они просто через борта вывалили, а вот часть его с великим бережением и по возможности незаметно перетаскали сразу же поглубже в кусты!

– И что там было? Удалось посмотреть?

– Увы... – разводит руками офицер, – проверить возможности не имелось! Маленькое что-то, а что именно? Бронетранспортер туда не прошел бы, а бойцов, помимо водителей, у меня всего четверо. Посылать их одних? Лес густой, а там все-таки почти сотня здоровых парней была! Не дали бы эти деятели груз без стрельбы досмотреть...

– М-м-да... Это уж мы здесь лопухнулись! Надо было повнимательнее за ними смотреть! Ну, да ладно, что уж теперь говорить? Уехали – и хрен с ними! Чуток с делами разгребемся – наладим к ним туда разведку, пусть проверят, как они там устроились...

Оптимист! Разгребешься тут...

Для начала меня отловил Калинин и ехидно поинтересовался наличием совести. Обалдев от такого напора, удивленно спрашиваю – какая муха его укусила?

– Речная!

– А что – такие бывают?

– Ты, майор, не прикидывайся! Я тебе серьезно говорю! Ты почему мне про корабли ничего не сказал?

– Про что?!

Как стало ясно из последующего разговора, в городе имелась река. Ну, положим, про это и раньше знали. А вот про то, что на реке присутствовал еще и небольшой флот...

– Парочка буксиров. Не бог весть что, но все-таки. Несколько барж разного назначения. Один кораблик – типа речного трамвайчика. Старье жуткое – но на ходу, представляешь?! Один очень даже нехилый катер. Надо думать, кому-то из местных заправил принадлежал. Все прочее сильно от взрывов и последующих пожаров пострадало, теперь разве что на запчасти пойдет... – перечисляет Сергей, таская меня по коридору.

– Офигеть... И что теперь со всем этим делать?

– Ты как знаешь, майор, а мы тут ныне надолго застрянем! В Рудном-то, хоть в первом приближении, порядок навели. А здесь... – он жмурится и напоминает мне большого кота. Ага, около корыта со сметаной...

– А на заводе как?

– Да что с ним станется? Его перед всей этой катавасией только и соорудили, он и работать-то еще толком не стал... Можно все по уму организовать, можно... Людей! Вот кого мне не хватает!

– Так – вон их сколько же!

– Мне не просто население нужно! Мне мастера потребны! Да где ж их тут взять...

– Ну, Германович, извини! – развожу руками. – Что смогу – сделаю. Но и я не Господь Бог! С Лапиным-то как, сработались?

– Молоток твой полковник! – крикает Калинин. – Seriously – мужик что надо. За дело болеет и человек правильный. На его месте – и архангел Гавриил больше бы не сотворил. Так что ты его уж не обижай, сделай милость...

Фыркнув мотором, «буханка» остановилась на пригорке. Лязгнули двери, и на дорогу выбрался Потеряшка вместе с невысоким лейтенантом-зенитчиком.

– Где-то здесь... – ткнул рукою в сторону холмов зенитчик. – Сюда он брякнулся!

– Хм... – почесал в затылке Виктор. – Чтобы здесь все обшарить... А точнее – никак нельзя?

– Не до того было, – виновато потупился лейтенант. – Только его сковырнули – новая цель! А за ней – еще одна!

– Ладно... Что есть... Михалыч! – повернулся снайпер к водителю. – Организуй лагерь. А мы с Галиной прогуляемся тут...

Сбитый самолет отыскался через несколько часов. Гадалка вовремя заметила поврежденные верхушки елей, и снайперы, перевалив через вершину холма, спустились вниз и вышли к месту падения.

Это был военно-транспортный самолет – совсем не то, что ожидали здесь обнаружить. Боевая часть ракеты рванула совсем недалеко от его борта, и стальные стержни вперемешку с картечью щедро нафаршировали его металлом. Пробоины были заметны издали. По-видимому, двигатели замолчали уже в воздухе, и самолет падал, никем и никак не управляемый. При падении, снеся верхушки деревьев, он ударился о склон холма и разломился надвое.

– М-м-да... – присев на пенек, Потеряшка сдвинул на затылок капюшон. – Уцелеть здесь было проблематично... Как не загорелся-то?

– Движки замолчали, должно быть... – Галина приложила к глазам бинокль. – Да, живых тут не осталось – никаких следов не видно. Ладно, пойдем вниз, надо полагать, все, что могло жახнуть – уже сделало это еще при падении.

Первая находка обнаружилась еще на подходе к самолету. Слегка помятый металлический контейнер уткнулся торцом в полурасщепленный пенек.

– Так... – присела около него на корточки Гадалка. – Стандартный кейс для перевозки оружия. Интересно...

Щелкнули замки, и поддетая ножом крышка приподнялась на пару сантиметров.

– Заедает что-то... видать, помялся основательно, помоги-ка!

Виктор, подхватив руками крышку, напрягся... Скрипнуло, и она, наконец, откинулась в верхнее положение.

– Ну-ка, что здесь у нас? – откинула лист поролона Галина. – Ого!

– SR-25? – присвистнул Виктор. – Ни хрена себе... Этот-то агрегат сюда как затесался?

Он наклонился к кейсу и извлек оттуда винтовку.

– Ты смотри – и прицел есть! Патроны в магазинах... Глушитель... Интересный самолетик...

– Вот что, Рогозин... давай-ка сюда Михалыча. Обед подождет – пускай он сюда машину подгонит. Непростой это самолет. Пусть его специалист проверит, нам самим лезть без мазы...

– Значит, так... – молоденький старший лейтенант, поправляя очки, щелкает кнопками компьютера. – Выводим курс... скорость, высота... вот!

Удивленно смотрю на экран. Понимать бы чего... А вот полковнику тут все ясно. Он задумчиво чешет в затылке.

– М-м-да... Ушел, стало быть?

– Так точно, товарищ полковник. Со снижением, курс двести пятнадцать. Только непонятно вот это... – щелкает он мышкой на экране. – Вот этот всплеск... видите?

– Угу... Куда ж это он так?

– Высоту изменил, на противозенитный маневр похоже.

– Вполне возможно... только вот не шибко ему это помогло... курса на отход не вижу.

– Так его и нет.

– Товарищ полковник! – окликаю я Лапина. – А по-русски все это можно рассказать? Не силен я в ваших хитросплетениях...

Полковник смущенно кашляет.

– Извините, Сергей Николаевич. Как-то совсем позабыл, что вы в наших обозначениях не сильны... Смотрите, – показывает он на экран. – Самолетов было два. Оба по своим характеристикам не были идентифицированы как носители оружия, поэтому команду на их уничтожение выдали во вторую очередь. Да и скорость у них была... невысокая. И так никуда не делись бы. Один сбили зенитчики Морозова. Это о нем доложили ваши специалисты. Второй прошел стороной. Достаточно далеко, чтобы представлять угрозу. В принципе, и его могли завалить, но как раз в этот момент произошел подлет ракет третьей волны. Первому самолету просто не повезло – пилот не рассчитал времени. Он подошел практически одновременно с ракетами второго эшелона и был сбит вместе с ними. Слишком близко подлетел к позициям, вот зенитчики и восприняли это как опасность.

– Теперь понятно. А куда делся второй самолет?

– Назад не улетел. Судя по нашим записям – сбит.

– Кем?

– Не знаю. Ракеты туда не шли, это мы бы заметили. Что-то его поразило с земли...

– Час от часу не легче! И кто это там, такой весь из себя хитрый, обосновался?

Лязгнула тяжелая дверь сейфа, и Лапин положил передо мною на стол тонкую папку.

– Совсекретно, но... сами понимаете.

Смахнув пыль со стоящего рядом стула, присаживаюсь. Маленькая комнатка в подвале «Дарьяла» выглядит так, словно здесь никого не было уже лет пять. Хранилище секретных документов... приходилось мне сживать в таких комнатках...

«...При получении кодового сигнала «Колун», выйти на связь по закрытому каналу с объектом 161. Для чего вскрыть служебное помещение по адресу: Приречная ул., дом 11. Код вскрытия пульта – восХод 261. Связаться с оперативным дежурным объекта 161 и, по его указаниям, организовать перекоммутацию цепей питания...»...

– Там дальше неинтересно, – полковник присаживается напротив.

– Да и из этого что-либо понять сложно, – возвращаю ему папку. – Что это?

– Инструкция. Как раз на случай вроде нынешнего. Объект сто шестьдесят один должен был обеспечить нас электроэнергией.

Прикидываю себе масштабы этой электростанции. А ни фиги не маленький домик получается... Это где ж такой отгрохали?

– По имеющимся данным – это атомная электростанция. Экспериментальная, но вполне достаточной мощности, чтобы наш комплекс работал в штатном режиме.

Ага, это уже веселее...

– Вполне объяснимо, что на таком объекте должна существовать и серьезная охрана. Не исключено, что они имеют и средства ПВО. Уж ПЗРК – там точно есть.

Ну, да. Внутренние войска. Что у Лизунова на шахте, что на объекте – все сходится. Одно подчинение и один центр управления. А отряд уиновцев играет роль подвижного резерва для обоих объектов – куда пошлют. «...дорога к Выговскому руднику...». А на карту глянуть – с дороги той всего три ответвления. На одном сидит резерв, второй ведет к заброшенным выра-

боткам. А третий... про него ничего неизвестно. На карте есть какие-то домики – деревня? Не похоже – было бы название. Даже и у брошенной. А вот и поле рядышком... Поле? Угу... До фига я тут полей видел? Да еще таких больших?

– Николай Петрович, – спрашиваю я полковника. – А связаться с ними вы пробовали?

– Нет. От того дома, как и от всей улицы, кстати говоря, одни руины остались. Потом еще пожар там неделю бушевал...

– М-м-да... Печально...

А память услужливо подбрасывает мне еще один кирпичик – наш узел связи. И тоже – в отдельном домике. Вполне себе гражданском на вид. Похоже? И даже очень.

– Там что сейчас, повышенный радиационный фон?

– И весьма серьезно повышенный. Без соответствующей защиты туда лезть... настоятельно не советую.

– Ладно. Так или иначе, а к объекту этому надобно прогуляться. Думал раньше к нефтяникам заехать, но раз уж так все складывается...

– Это было бы правильно. Раз это атомная станция, то и наш реактор они могут помочь запустить. А с топливом... Давеча ваш бородатый спец уже предлагал сырую нефть перегонять самопальным способом. Скважины-то в окрестностях есть.

– Вот как? А мне и не сказал, злодей!

– Да нормальный он дядька! А что ворчлив – так это у него привычка, надо полагать, такая.

Вот ты смотри! И здесь за моею спиной спелись! Ну, и правильно. Лапин – мужик правильный, не зря он тут командует. А с Калиным им вместе работать предстоит. Так что это очень даже здорово.

– Вообще-то, по здравом осмыслении, начинка у самолета очень даже странная оказалась... – Потеряшка сидит напротив меня и отхлебывает из кружки горячий чай. – У нас сложилось впечатление, что это, скорее, летающий склад снаряжения и вооружения. И немаленький, «С-130» – тот еще сарай! Экипаж, совместно с сопровождающими, насчитывал всего одиннадцать человек – все погибли. Груз уже был уложен на поддоны и приготовлен к выброске. Кстати говоря, именно этому мы обязаны тем, что большинство снаряжения уцелело – оно было упаковано в соответствующую тару. Ведь собирались же его с парашютами сбрасывать, вот и приняли меры предосторожности.

– То есть кто-то должен был его на земле принять?

– Угу...

– Так... весело... И что же везли нам заморские гости?

– Стрелковое вооружение – человек на сотню или полторы. Это уж смотря как их вооружать. Странное сочетание – наши «АК» и американские винтовки, вместе с пистолетами. Минометы – югославские «М-57». Ящики с противопехотными и противотанковыми минами – тоже немаленький запасец. Боеприпасов полно – несколько боекомплектов на каждый ствол. Патроны для нашего оружия – преимущественно финские, хотя попадаетесь и откровенная халтура, болгарские и словацкие. Гранаты – здесь чисто штатовское производство. Боеприпасы к импортному оружию – родные. Здесь подделок никаких нет. Вон, Галина себе нагребла патронов – еле уволокли!

– А где ж мне их еще брать? – удивляется Гадалка. Она совершенно по-домашнему свернулась в соседнем кресле «мамонта». Со стороны посмотреть – просто умилительное зрелище, только кота на руках не хватает. В кабине тепло, и она сняла свою бесформенную камуфляжную куртку и кепи. Под курткой внезапно обнаружилась очень даже привлекательная фигурка. Все, что положено, здесь присутствовало. И даже с некоторым избытком, так сказать... Лишившись большей части своего вооружения и снаряжения, сваленного кучей на заднем сидении

вездехода, Галина сейчас совершенно не похожа на легендарного снайпера. Скорее – на милую и приятную в общении молодую девушку. Витьке проще, он ее в таком обличье и раньше знал. А вот мне как-то не по себе. С одной стороны – жесткий и безжалостный стрелок, с нехилым личным счетом. А с другой – обычная и весьма привлекательная женщина. С хорошо подвешенным языком и неплохо эрудированная. Вот такой вот парадокс! Оттого и поглядываю на нее иногда...

– А еще что там полезного нашлось, Галя? В смысле – не только для вас?

– Приборы ночного видения. Немного – всего с десятков, но качественные. Стандартные натовские рационы питания – четыре поддона, это очень даже кстати. Запасные бронепластины четвертого класса для бронезилов. Кстати, их самих там нет. Даже несколько джипов на поддонах закреплены. Но с них, боюсь, толку сейчас мало будет, разве что на запчасти разобрать? А вот чего там не нашлось...

– Чего же именно?

– Связи там нет. Практически совсем ничего не нашли. Одна наша старая армейская рация и пара комплектов обычных армейских «уоки-токи». Странно это выглядит, если не сказать больше.

– И как прикажете это понимать? – оглядываю я обоих своих спецов.

– Тут вот какое дело, командир... – постукивает по столу карандашом Потеряшка. – Мы тут, пока вас всех ждали, пораскинули умом. И вот что у нас вышло...

В его руках появляется блокнот.

– Первое: снаряжение предназначено для двух разных команд. На это указывает разнородность подготовленных запасов, которые четко можно разделить на две группы. Относительно современное вооружение и оружие попроще.

– Так!

– Второе: продукты тоже предназначены для разных пользователей. Стандартные армейские рационы и менее многочисленные, но более качественные и калорийные.

– Принимается.

– Третье: груз предполагали сбросить где-то рядом. Поддоны уже были приготовлены к сбросу и сопровождающие находились рядом с ними, готовили сброс. Даже люки успели открыть. Стало быть, и получатели его, для которых это все предназначено, тоже где-то недалеко.

– Все?

– Еще кое-что, – вмешивается Гадалка. – Я опять о связи. Не может быть, чтобы группы ее не имели или рассчитывали только на то, что им должны были сбросить. Значит, какая-то связь у них есть уже сейчас. Далее. Современного вооружения и снаряжения тоже весьма немного, а стало быть, эти люди вооружены. Возможно, не слишком основательно и серьезно – но точно не с одними пистолетами ходят. То, что им везли – скорее, средства усиления. Снайперское оружие и противотанковые комплексы.

– Так там что – и гранатометы были? – поворачиваюсь я к Виктору.

– А то ж... Одноразовые, типа нашей «Мухи», есть, да и вполне качественные немецкие «Панцерфаусты 3» присутствуют. Даже «Джавелин» отыскался!

– Ни хрена себе! Это с какими же танками тут воевать собирались? Наш склад – он в стороне, да и не знает про него никто.

– Вот это вопрос, командир, уже не по нашей части.

– Ладно, ребята, свою задачу вы выполнили, дальше уже мне голову ломать предстоит. До точки назначения еще километров семьдесят, так что – отдыхайте!

– Лады! – Виктор поднимается на ноги. – Я тут к ребятам забегу, перекинусь парой слов.

– Как знаешь.

– А я, товарищ майор, с вашего разрешения, вон туда переберусь, – кивает на заднее сидение «мамонта» Гадалка. – Там мягко, да и не трясет у вас так, как в моей «буханке». Подремлю немного...

– Ага... – ворчит Потеряшка, выбираясь на улицу. – Скажи уж сразу, что все внутри трофеями завалила, не то что лечь – присесть теперь негде! Одного шоколада из пайков – чуть не три кило...

Проводив Виктора, закрываю дверь в задний отсек и перебираюсь к радиостанции. Работы предстоит много...

Эдакий подарок, неожиданно свалившийся нам на голову, следовало использовать со всем бережением. Сейчас там выставили охрану зенитчики, но какие из них сторожа? Тот же Потеряшка играючи пройдет через их посты, а его никто и не заметит. Поэтому связываюсь с нашим узлом связи – пусть срочно формируют колонну и отправляют ее к самолету. И грузят все подряд, даже проводку – и ту пусть поснимают. Аналогичную команду отдаю и Лапину. Пусть вывезут все разбитые автомашины. Вот будет подарочек бородатому ворчуну! На запчасти – так на запчасти, авось что-нибудь да изобретут наши кулибины. Оружие тоже помехой не станет, да и все прочее куда-нибудь приспособим.

Однако же кому-то они все это везли...

Оружие на две сотни человек, хм... То есть, если не подозревать противников в кретинизме (а вот это уже вряд ли), эти люди где-то здесь присутствуют. Отчего здесь? Ну, не под Барнаулом же? Груз-то сюда везли. Да и второй самолет... Марку его я не знаю, но уж явно не «кукурузник». Что было на его борту? Куда он летел и что вез?

Джипы... Стандартная экипировка мобильного отряда – посмотрелся я на такие, еще в Африке. Раз есть джипы, стало быть, где-то в кучах барахла заныканы и тяжелые пулеметы – без этого никак.

«Джавелин»... с какими танками в этой глуши собирались воевать? Про наличие тут склада, кроме меня, вообще мало кто знал. Да и не нужна против «Т-64» такая навороченная хреновина.

Загадки... опять чувствую себя школьником у доски. Ведь где-то рядом ответ, да где он? Ох, не по душе мне такие навороты, чую какую-то подлянку...

Получатели эти, будь они неладны! Тоже ведь где-то поблизости ходят... Уж явно не на пироги сюда пожаловали, раз им такой груз везли. Есть у них тут цель, есть...

В наушниках затрещало – абоненты вышли на связь. Отбрасываю в сторону посторонние мысли, берусь за микрофон. Начали...

А через полтора часа нас встретили...

До места назначения – поворота на неведомую деревушку, оставалось около пяти километров. Дорога здесь делала петлю, огибая большой холм. Наша колонна как раз вытянулась по дороге, и часть ее уже скрылась за поворотом.

– «Удав-1» – «Каа»! – заорал динамик радиостанции.

– На связи!

– Обстрелян из леса! Предупредительный огонь поперек дороги – требуют остановки!

– Потери?

– Огонь предупредительный! Стреляют поперек дороги – перед машиной и позади!

– Всем «Удавам»! Боевая тревога! «Удав-1» – держитесь! Занять оборону, огня не открывать – идем к вам!

Поздно...

Громадная боевая машина, с легкостью сшибая стволы деревьев, выкатилась слева из леса. Мрачное жерло танковой пушки угрюмо уставилось на дорогу.

Дрогнули кусты, и справа на дорогу выкатилось такое же стальное чудовище.

– «Каа»! В тылу, на холме – танки!

Взгляд назад – на холме появились темные, хорошо видимые на фоне неба, силуэты.

Заорал динамик – в хвосте колонны происходило то же самое.

Капкан...

Вот это называется – приплыли. Как минимум пять немаленьких стволов – и это только те, что я вижу. Так ведь еще и в тылу кто-то есть.

Даже если считать засадников круглыми идиотами, не имеющими пехотного прикрытия, то почти на каждую нашу машину у них по танку. Хотя на идиотов они походят очень мало – засаду сотворили мастерски. Значит, будем считать, что в лесу еще человек с полсотни заныкались. И тоже, надо думать, не с ложками и вилками они там сидят.

А у нас что?

ПТУРС на одном «мамонте» – вещь, естественно, убедительная. Я бы даже сказал – весьма убедительная. Только не в такой ситуации, когда ствол внушительного калибра смотрит на машину метров с двухсот. Даже если все наводчики танков резко ослепнут и окривеют, то и в таком случае, при стопроцентном везении, мы сможем расковырять только один танк. И все – перезарядить не дадут. Остальные танки могут даже не стрелять – гусеницами раздавят при желании. Хотя, есть ведь и гранатометы... Ну да, с десятков их у нас имелся. И что? Пока достанем... выскочим из машин... Аккурат в свежееоткопанную разрывом снаряда могилу. Нет, не вариант. Не хочу.

Не имею права так подставлять людей. Они за мною к жизни потянулись, а я им что тут сейчас подсуну? Глупую смерть во имя... каких-таких идеалов?

Но, с другой стороны – танки не стреляют. Вообще не стреляют, не из чего. И ГПЗ остановили предупредительной очередью. Это тоже что-то да обозначает. Знать бы – что? Кто это тут такой может быть?

Прикинем.

Танки.

Один «Т-80».

Один «Т-72».

Что там, на холме, стоит – отсюда не разобрать. Но уж точно не «Абрамсы» и не «Леопарды» – очертания башен округлые, а не как у этих громадин, угловатые. «Т-55»? А похоже... Что в тылу – не знаю. Но «Тигра» сюда навряд ли притащат.

Резюме – танки наши. В смысле – родные советские, а ныне – российские.

Но это еще не аргумент – в Чечне по нам тоже из родного оружия стреляли. И в других местах...

Кто там под броней – вот в чем вопрос!

И что этот заброневой сиделец от нас хочет...

Щелкаю клавишей микрофона.

И в динамике рации становится тихо.

Сейчас... от пары слов зависит вся наша судьба. Дам команду на прорыв – ударит ПТУРС, попрыгают в придорожные канавы гранатометчики. Зашипят движки реактивных гранат, и окутаются дымом подбитые танки.

В ответ выдохнут смерть стволы танковых пушек. Ударят спаренные пулеметы, свинцовой метлой выбивая пыль из кузовов наших машин. Огрызнутся огнем невидимые сейчас лесные стрелки. Брызнут выбитые пулями окна «мамонтов».

И прольется в дорожную пыль кровь.

Наша кровь.

А в лесу окрасятся красным листья кустов и густая трава. Разожмется бессильно чья-то рука, выпустив приклад автомата.

И все это зависит от одного моего слова.

Так что же мне сейчас говорить?

За спиной чувствую движение. Оборачиваюсь. Гадалка уже успела набросить на себя всю свою амуницию и теперь стоит у окна. Приоткрыла стекло и изучает лес в окуляр тепловизора. Ищет выход?

– Майор... слева от поваленной березы – человек. Правее нее – еще метров на двадцать, второй.

– Да я как-то и не думал, что здесь только танки. Должны и люди быть.

– Этих двоих я сниму. А ты уходи. Прямо в лес уходи, нет там больше никого.

– Ты что? А все остальные? Их же тут с пылью смешают в пять секунд!

– Уходи! Ты понял?! Я прикрою!

Подношу к лицу микрофон.

– Здесь «Каа»! Всем «Удавам» – огня не открывать! Занять позиции, но огня не открывать! Это приказ! Выполнять!

Качнулись машины – народ покидал транспорт.

Скрипнула зубами за моей спиной Галина. Чего же это она так? Спросонья не врубилась? Не похоже на нее... это же не мозг – компьютер какой-то! Интересно, а она всерьез собиралась вступить в бой с танками? Искоса бросаю взгляд в сторону Гадалки. Да... она явно не шутила...

Распахиваю дверь «мамонта» и, сжимая в руках полотенце, прыгиваю на дорогу.

Шаг, еще шаг...

Поскрипывают под подошвами ботинок маленькие камешки. Трещат веточки, и шуршит трава. За спиной осталась дорога и вытянувшиеся в колонну автомобили.

Где там человек у березы? Чувствую, как по телу шарит прицел невидимого стрелка. Чего уж тут целиться... одной короткой очередью можно меня срезать. Прямо как на стрельбище.

От машин я отошел уже метров на сто. Стою, не дойдя до опушки метров десять. Справа от дороги здесь поляна, причем – весьма немаленькая. Лес не подступает вплотную к холму. Вот у самого его подножья и стоит сейчас наша колонна. Позиция для засады удобная – танки сверху могут лупить вниз, не опасаясь задеть своих. Под таким углом снаряды рикошета не дадут. Аналогично могут стрелять и танки в лесу – дальше склона холма снаряды не уйдут. Не лопух позицию для засады выбирал, не лопух...

От опушки леса отделяется фигура человека.

Ага!

Все-таки – парламентар...

Он подходит ближе. Танковый комбинезон, шлем... Знаков различия не видно.

Делаю шаг вперед. Он тут хозяин, стало быть, представляться предстоит мне.

– Комендант Рудненского гарнизона майор Рыжов!

– Подполковник Васин!

– Что ж так невежливо встречаете, товарищ подполковник?

– Так у вас на капоте принадлежность не указана! И машины странные...

– Экспериментальная разработка, товарищ подполковник. Да и мало их у нас, всего несколько штук.

– «Газон» в основе?

– Он самый. Шестьдесят шестой.

– Похоже... Ну что, майор, присядем? – кивает он в сторону. Там лежит здоровенное бревно. – В ногах правды нет.

– Но нет ее и выше!

– Грамотный, – усмехается Васин. – Это хорошо, быстрее друг друга пойдем...

Он устраивается поудобнее, снимает шлемофон и кладет его рядом на бревно. Вытаскивает из кармана расческу и поправляет волосы.

– Рассказывай, майор, куда идете, и что вообще у вас там происходит...

– Вам с самого начали – или как?

– А ты что – куда спешишь?

– Не особенно. Но вот ребята ваши, что в танках сидят... Мало ли что вдруг им почудится? Нажмут на что-нибудь...

– Ведь и твои парни не с зубочистками в канавы попрятались! Или думаешь, не видел я?

– Мои не выстрелят.

– Мои – тоже. Так что – извини!

– Хорошо, – пожимаю я плечами. – С начала – так с начала...

Минут через пятнадцать подполковник приподнимает раскрытую ладонь.

– Обожди... Еще разок повтори. Что там про Выговский рудник говорилось?

– Дорогу к нему поддерживать в порядке.

– И все?

– Все. Я об этом только на «Дарьяле» вспомнил. Когда Лапин мне приказ показал. Ну, тот, что про ваш объект.

– Вот тут ты пальцем в небо попал, майор! Не наш это объект!

Ни хрена себе пельмень! Тут что – под каждым кустом по танку заныкано? Не их объект? А их объект тогда что?

– Это соседи наши. Оттого и тебя так встретили, уж извини. Ты здесь – не первый гость.

– А чем же вам первые гости так не потрафили?

– Ежели я к тебе домой ночью да с автоматом наперевес ввалюсь – рад будешь?

– Сомневаюсь...

– Ну, и мы не хуже прочих. Ладно! – встает он с бревна. – Команду свою здесь оставь, нехай тебя обождут. Со мной поедешь.

– А...

– Танки отойдут. Но недалеко – сам понимаешь... А те, что на холме – на месте будут. Они там никому не мешают.

– Так я к машинам схожу? Предупрежу их.

– Давай! И я своим приказание отдам. Только ты уж смотри, друг ситный... чтобы без глупостей там...

Пройдя через полосу леса, мы вышли на небольшую полянку. Там, приткнувшись бортом к кустарнику, ожидал нас темно-зеленый «уазик». Неразговорчивый водитель, стоило только нам закрыть двери, тронул машину с места.

А тут не такая уж и глухомань! Просеки... заросшие и относительно проходимые. Вырубленные участки леса соседствовали с остатками каких-то траншей и полуобвалившихся блиндажей. Иногда мой взгляд замечал проржавевшую колючую проволоку, покосившиеся столбы...

– Здесь полигон, майор! Давно, сколько себя помню. Всегда он здесь был.

– Надо же... А я и не слышал об этом никогда.

– Формально – он еще рабочий. Даже задания иногда спускали. Но подсократили нас сильно...

– А что ж тут такое испытывали?

– Танки! И прочую бронетехнику. Много всякого добра есть. Пятьдесятпятку увидел – поди удивился?

– Не особенно. У меня и постарше машины есть.

– В смысле?

Про содержимое нашего танкосклада я ему ничего не рассказывал. Сказал только, что мы задействовали технику, стоявшую на консервации.

– «Т-10М»

– Иди ты?! Где взял?

– Я ж говорю – с консервации сняли.

– Оф-ф-ф-фигеть! – удивляется Васин. – И на ходу?

– Даже стреляет.

– И снаряды есть?

– Вагон! А может, и два – никто ж не считал...

– Коли не врешь – подружился! Мне этого добра как раз не хватает!

– Да хоть все берите! У нас и танкисты-то, так... все из запаса больше...

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор! – козыряю я пожилому мужику. Он полусидит на койке, откинувшись к стене. Правая нога вытянута и лежит на пододвинутом стуле. Она обмотана толстым слоем бинтов. На плечах у мужика наброшен китель со знаками различия генерал-майора.

– Здравствуйте, товарищ майор. Присаживайтесь. Откуда вы?

– Военный комендант Рудненского гарнизона майор Рыжов Сергей Николаевич. Военная контрразведка.

– Начальник сто сорок второго специального испытательного полигона генерал-майор Тупиков Михаил Петрович. Рассказывайте, товарищ майор. Что там у вас? О чем слышали, что сами видели?

Оглядываюсь на Васина, тот молча кивает. Сам он присел чуть сбоку и в разговор не лезет.

– Обстановка, товарищ генерал-майор, в целом, такова... – по второму разу пересказываю Тупикову то, что ранее говорил подполковнику.

Выслушав меня, он некоторое время сидит, ничего не комментируя. Из-за моей спины бесшумно выныривает медсестра и ставит перед ним стакан с какой-то желтоватой жидкостью. Генерал, вздохнув, опорожняет его и возвращает медсестре. Но она никуда не уходит, а продолжает стоять рядом, выразительно поглядывая на нас с подполковником.

– Значит, связи у вас нет...

– Не совсем так, товарищ генерал-майор! Связь есть – только большинство абонентов не отвечает на вызовы.

– Ну, хрен редьки не слаще... Отрадно, что хоть у вас какой-то порядок налаживается. Этим вы меня порадовали, не скрою.

– А у вас что?

– Сложно... Вот подполковник вам все подробно поведаст. Слышь, Леонид, ты уж там все подробно обскажи, да насчет взаимодействия договорись. А мне, уж извините, медики сейчас всю плешь прогрызут за нарушение режима. Их послушать – так я тут должен пластом лежать и потолок изучать. Так это я еще в первый день сделать успел.

Медсестра вздыхает, но с места не трогается.

Да... поговорить нам с ним точно не дадут. Встаем и прощаемся с генералом. Уже в дверях сталкиваемся с хмурым дядькой в белом халате – надо думать, главврач пожаловал...

И точно! На ходу он вставляет Васину нехилый фитиль и, укоризненно покачав головой, закрывает за нами дверь генеральской палаты.

– Ну, майор, с чего начнем?

– Может быть, сначала ребят наших разведем? А то они поди уже устали друг на друга в прицел смотреть?

– Лады. Что тебе для этого нужно?

– Рация, это уж как минимум.

– В машине есть.

Беру в руки микрофон, настраиваю частоту.

– Здесь «Каа»! Кто меня слышит?

Почти тотчас откликается Потеряшка. Надо полагать, так и сидел у передатчика неотлучно.

– Значит, так! Отбой тревоги, личному составу занять свои места. Вас проводят в городок, здесь и встретимся. Все непонятки выяснили – это свои. Не жлобствуйте там, пусть Гадалка с ними своими деликатесами поделится... Трофейными сладостями – я имею в виду. А то с нее станется...

Отложив микрофон, поворачиваюсь к подполковнику.

– Пойдем, майор, присядем – указывает он мне на небольшую беседку около домика медсанчасти.

Внутри стоит столик и две скамейки. Усаживаемся, и Васин вытаскивает из планшета карту. Раскладывает ее на столе.

– Смотри сюда! Обстановка здесь следующая...

Как выяснилось, никакого Выговского рудника в природе не существует. Нет, когда-то он, конечно, был... Только с того времени много воды утекло. Чего уж там добывали, теперь никто и не помнит. Руду...

А вот пустые выработки уже давно облюбовали атомщики. Лет десять назад тут, наконец, закончили монтажом резервную атомную станцию. Начали строить этот «объект сто шестьдесят один» еще при советской власти. С той поры задание на его постройку неоднократно менялось и корректировалось.

Когда-то, в незапамятные времена, здесь собирались строить целый комплекс различных сооружений. Для их энергоснабжения и начали возводить данную станцию. Что уж тут хотели отгрохать – остается только гадать, никаких сведений об этом не осталось. Но электростанцию все-таки до ума довели...

Надо отдать должное тем строителям! Здоровенный объект не только ухитрились упрятать в старые выработки, существенно их расширив и укрепив, но и полагающиеся к нему водоемы ловко вписали в окружающий пейзаж таким образом, что они смотрелись в нем совершенно естественно. Оборудовали и подъездные пути. Помимо той дороги, по которой мы ехали, оказывается, существовала и железная дорога. Длинный тоннель выходил наружу за несколько километров отсюда, соединяясь с внешне давно заброшенной веткой.

Для всего окружающего мира объект так и остался Выговским рудником. Таких тут было несколько штук, и все они содержались в относительном порядке. Вспомнив поселочек Ноздрева, уважительно киваю, должным образом оценив предусмотрительность тех, кто планировал постройку. Надо же... И об оперативном прикрытии позаботились! Уважаю... Сейчас так не умеют.

А полигон тут был всегда. Сначала его построили для того, чтобы таким макаром скрыть стройку. Сидят в тайге военные, стреляют, взрывают что-то – так полигон же! Этим объяснялась и большая запретная зона – опасно ведь! Под этим предлогом из района строительства аккуратно отселили немногочисленных обитателей. Со временем здесь и по-настоящему взялись за работу. Гоняли по лесу бронетехнику, отрабатывая различные узлы и компоненты. Натаскивали мехводо- При полигоне образовался небольшой филиал одного питерского НИИ. Ребята эти занимались усовершенствованием электрооборудования танков и бро-

нетранспортеров. Появился и небольшой цех, где эти умники организовали экспериментальное производство. В данной тематике они вдруг получили неожиданную поддержку от руководства электростанции – тем данная тема чем-то приглянулась.

После такой поддержки (а руководство станции пользовалось немалым влиянием где-то наверху) работы пошли ощутимо быстрее. В один из своих визитов на полигон на это обратил внимание генерал-майор Тупиков. В тот момент он занимал неслабую должность в министерстве обороны и как раз курировал такие вот полигоны. Благодаря подобным «повивальным бабкам», эксперименты быстро перешли из стадии исследований в стадию разработки конкретных изделий. Но, как это обычно бывало в нашем родном государстве, своими новациями исследователи больно наступили на чью-то любимую мозоль. По питерскому НИИ долбанули самым эффективным для такой организации оружием – сократили бюджетное финансирование. Вследствие этого научный руководитель проекта профессор Рашников пулей вылетел из своей лаборатории. А все работы по данному направлению в Питере были прекращены. Лабораторию быстро переформатировали под исследование более полезных вещей – повышение длительности работы аккумуляторов для плееров и им подобных прибабасов. Несогласным с такими нововведениями специалистам просто не продлили контракты.

Рассвирепевший профессор перебрался на полигон. Дядька он был решительный и упрямый, к цели пер напролом и никаких намеков на несвоевременность проявления ненужного энтузиазма не воспринимал в принципе. Сожрать его мимоходом не получалось. Авторитет его в научном мире был огромен – только из написанных им работ можно было составить небольшую библиотеку. Как только его институт указал профессору на дверь, так немедленно ряд авторитетных научных контор на западе предложили ему трудоустройство. Но Рашников закусил удила – ни с кем вести переговоры не пожелал. Публично высказав (в матерной форме) свои соображения об умственной неполноценности высокого руководства, сложил пожитки и отправился в глухомань. Вместе с ним сюда прибыли около двух десятков его приверженцев – таких же упертых исследователей. Руководство станции, без особых размышлений, пристроило их в штат свежесозданной ведомственной лаборатории при Минатоме. Под проведение научных исследований переоборудовали пустующие помещения – их здесь хватало. Около года все шло тихо – научный коллектив работал, маленький жилой городок при станции понемногу оживал и наполнялся людьми. Через полтора года на полигон перевели из подмосковного Нахабино остатки маскировочного полка – его территория срочно потребовалась для строительства новых коттеджных поселков. Сопротивляться всемогущим дачным строителям министерство обороны, разумеется, не могло – слишком уж неравными были силы... Вот и вылетел, теряя по пути офицеров, единственный уцелевший к тому времени в России маскировочный полк в далекую тайгу... А на месте приземления от него быстро осталось лишь жалкое подобие прежней великолепной и высокоэффективной воинской части. Полк сократился до размеров батальона, потом, ввиду отсутствия личного состава, усок до роты... Остались в наскоро отремонтированных ангарах боевые машины. Затянули брезентом «Тунгуски», входившие в его штатную положенность. Были сданы на склад макеты военной техники и всевозможные средства лапшеухонавешивания... Личного состава батальона хватало теперь только на несение караульной службы да сильно усеченную по продолжительности боевую учебу.

А работы в лаборатории шли своим чередом. Первое готовое изделие – энергоаккумулятор «Свеча» – весило около тонны и обеспечивало работу обыкновенного грузовика в течение тридцати часов. Воодушевленные подобными успехами (хотя с моей точки зрения, они такими не являлись...) ученые умники поднапряглись и через полгода выдали новый суперагрегат – «Светлячок». Вот это уже было кое-что... Во всяком случае, данная хреновина позволила на фиг выбросить из танка тяжелый дизель, заодно с топливными баками, при этом обеспечив ему вполне сопоставимый запас хода. Одновременно дав ощутимую экономию в весе.

Обрадованный данным фактом, Тупиков сунулся было на доклад к руководству. Ему мягко намекнули на несвоевременность подобных фортелей. Генерал не вник. И через месяц угодил под сокращение. Впереди замаячила перспектива возделывания грядок на собственной небольшой даче в Калужской области. Нажав на все оставшиеся еще доступными ему рычаги, он добился перевода на скромную должность начальника полигона. Вообще – то – полковничью. Но в данном случае выбирать не приходилось. На целый год он засел в тайге, продолжая совершенствовать «Светлячок».

Спустя это время, Тупиков повторил свою авантюрную вылазку. Заручившись поддержкой Минатома, он нашел выход на окружение президента. И им удалось организовать демонстрацию энергоаккумулятора непосредственно первому лицу государства. Эффект был оглушительный! Во всех смыслах...

Генералу и профессору пожал руки президент. Наговорил множество приятных вещей. Но в производство «Светлячка» так и не запустили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.